

**Министерство высшего и среднего специального
образования Республики Узбекистан**

**Андижанский государственный университет
имени З.М.Бабура**

Факультет филологии

Кафедра русского языка и литературы

На правах рукописи

Рузиева Мадина

**ПСИХОЛОГИЯ СЕМЕЙНЫХ
КОНФЛИКТОВ И ПРИРОДА
«НЕСЧАСТЛИВЫХ СЕМЕЙ» В
РОМАНЕ Л.Н. ТОЛСТОГО «АННА
КАРЕНИНА»**

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ
РАБОТА**

**написана для получения академической степени бакалавра
по направлению 5111300 -родной язык и литература
(русский язык и литература в иноязычных группах)**

**Научный руководитель:
канд.фил.наук Т.Л.Рахманов**

Андижан - 2016 год

Оглавление

Введение	3-6
Глава I. Критики о романе Л.Н.Толстого «Анна Каренина»	
1.1. Художественное своеобразие романа «Анна Каренина».....	7-18
1.2. «Мысль семейная» в романе «Анна Каренина».....	19-35
Глава II. Психология семейных конфликтов и природа «несчастливых семей» в романе Л.Н. Толстого	
2.1. Критики о романе Л.Н.Толстого «Анна Каренина».....	36-42
2.2. «Анна Каренина»: борьба любви и нравственности с трагическим исходом.....	43-57
2.3. Толстовская «диалектика души».....	58-63
Заключение.....	64-70
Список использованной литературы.....	71-73

Введение

В Республике Узбекистан приоритетной задачей Государственной политики в области подготовки кадров рассматривается становление всесторонне развитой личности через систему образования. Литература как дисциплина огромного нравственного потенциала занимает особое место в учебных планах. Литература обращена к человеку, и его душе, помогает ученикам глубоко познавать жизнь, находить свое место в ней.

Президент Узбекистана И.А.Каримов в своем докладе «Демократия – наш главный путь» говорит: «Мы стремимся построить не просто демократическое общество, а справедливое демократическое общество.

Стремление к справедливости — еще одна характерная черта менталитета нашего народа. Идея высшей справедливости красной нитью проводится в нормах шариата, положениях, определявших государственное устройство, требования к должностным лицам в прошлом. Без учета этих особенностей мы не сможем построить демократическое, сильное государство и в настоящем. Идея справедливости должна охватить все области общественной жизни. Формирование всех отраслей законодательства — государственного и гражданского, трудового и жилищного, пенсионного и налогового, природоохранного и уголовного — должно начинаться и заканчиваться этой идеей. Идея справедливости сегодня, когда происходит объективный процесс социальной, имущественной поляризации общества, можно свести к очень лаконичной формуле: государство не должно допустить резкого расслоения общества на чрезмерно богатых и чрезмерно бедных»¹.

«Наша задача заключается в том, чтобы создать правовой механизм, обеспечивающий равные начальные возможности для всех людей раскрыть и реализовать свои способности, удовлетворить свои

¹Каримов И.А. Родина священна для каждого. –Т., «Узбекистон», 1996. С.8-9.

потребности. А дальнейшее положение человека в обществе должно определяться его желанием и умением трудиться»¹.

Утверждению и развитию высоких гражданских качеств способствует знакомство с литературными произведениями, вошедшими в культурный фонд народов. К ним относятся и творения Льва Николаевича Толстого.

Роман Льва Толстого «**Анна Каренина**» (1873-1877) обычно называют семейным, но это в первую очередь роман о любви, что подтверждают его многочисленные инсценировки для театра и экранизации у нас и на Западе. Полная жизни молодая красавица Анна и сословно и духовно ограниченный аристократ Вронский, неловкий честный чудаковатый Лёвин (да, эту дворянскую русскую фамилию надо произносить и писать через «ё») и правдивая, жаждущая счастья в любви и семье Кити, добрая, несчастная в любви, но счастливая в семейных заботах и детях Долли, легкомысленный, безответственный, но обаятельный жизнелюб Стива Облонский и даже сухощавый сановный бюрократ Каренин, этот боящийся реальной жизни «человек в футляре» – все они любят, и каждый понимает любовь по-своему. Это великое, самое человеческое, очень личное чувство богато, разительно меняет и выявляет их характеры. Люди в любви становятся лучше, открывается их богатая душа, ее сложная прихотливая диалектика, часто неожиданная для них самих. Иной становится сама жизнь, она обновляется, выявляет свою подвижную сложность, обретает особый смысл, герои Толстого вдруг понимают, что есть судьба, ее непонятная влекущая сила. Причем для автора этого классического романа о любви важно показать чувство каждого персонажа в непрерывном движении, в сложном переплетении меняющихся состояний, встреч, разлук, надежд, иллюзий, разочарований, ошибок, точно найденных жестов. Описывая их меняющееся душевное состояние и мысли, Толстой дает не только опорные, основные

¹Каримов И.А. Родина священна для каждого. –Т., «Узбекистон», 1996. С.8-9.

события и детали, но и соединяющие их характерные мельчайшие подробности, создающие иллюзию присутствия читателя.

Еще проницательный критик Д.И. Писарев заметил, что сюжет у Толстого в первую очередь служит всепроникающему психологическому анализу, «диалектике души»: «Подробности и частности сосредоточивают в себе здесь весь художественный интерес... Здесь нет развития характеров, нет действия, а есть только изображение некоторых моментов внутренней жизни души, есть анализ». Критику принадлежит точная и проницательная характеристика «диалектики души» Толстого: «Никто далее его не простирает анализа, никто так глубоко не заглядывает в душу человека, никто с таким упорным вниманием, с такою неумолимою последовательностью не разбирает самых сокровенных побуждений, самых мимолетных и, по-видимому, случайных движений души. Как развивается и постепенно формируется в уме человека мысль, через какие видоизменения она проходит, как накапливается в груди чувство, как играет воображение, увлекающее человека из мира действительности в мир фантазии, как, в самом разгаре мечтаний, грубо и материально напоминает о себе действительность и какое первое впечатление производит на человека это грубое столкновение между двумя разнородными мирами - вот мотивы, которые с особенною любовью и с блестящим успехом разрабатывает Толстой... Везде мы встретим или тонкий анализ взаимных отношений между действующими лицами, или отвлеченный психологический трактат, сохраняющий в своей отвлеченности свежую, полную жизненность, или, наконец, прослеживание самых таинственных, неясных движений души, не достигших сознания, не вполне понятных даже для того человека, который сам их испытывает, и между тем получающих свое выражение в слове и не лишающихся при этом своей таинственности». Критик так и не дочитал «Войну и мир», не дожидая появления «Анны Карениной», но само явление он понял и описал хорошо.

Выпускная квалификационная работа на тему «Психология семейных конфликтов и природа «несчастливых семей» в романе Л.Н. Толстого «Анна

Каренина» имеет своей **целью** рассмотреть ключевые понятия, выявить отражение «мысли семейной» в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

Для достижения цели работы необходимо решить **задачи**:

- изучить критическую литературу по роману;

- рассмотреть художественное своеобразие романа « Анна Каренина» - выявить проявление гипотезы «мысли семейной».

Методологическая основа работы. При исследовании были изучены труды И.А.Каримова и статьи известных литераторов, изучающих жизнь и творчество Л.Н.Толстого: Н.Н.Наумова, Э.Г.Бабаева, К.Н.Ломунова, В. Горной и др. Так в статье В. Горной «Наблюдения над романом «Анна Каренина»» в связи с анализом произведения делается попытка показать следование пушкинским традициям в романе. В работах Бабаева Э.Г. анализируется своеобразие романа, его сюжетная и композиционная линия. Бычков С.П. пишет о полемике в литературной среде того времени, вызванная выходом в свет романа Л. Н. Толстого « Анна Каренина».

Научная новизна заключается в том, в исследовании изучались основы работы над произведением в школе.

Объектом нашего **исследования** является творчество Льва Николаевича Толстого.

Предметом настоящей работы является анализ психологии семейных конфликтов в произведении «Анна Каренина».

Теоретическая и практическая значимость проведенного исследования заключаются в том, что разработанные нами принципы анализа могут быть применены для анализа других текстов писателей русской литературы. Предложенная разработка может быть использована для студенческих семинарских занятий, а также могут способствовать разработке важнейших теоретических проблем литературоведения, возможностью использовать материал при решении сложных вопросов методики преподавания литературы.

Структура работы: выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии. Во введении обосновывается тема квалификационной работы, затрагивается научная новизна, определяется предмет исследования и актуальность выбранной темы, а также кратко говорим о базовых трудах, на которые опирались в нашей работе. Определяется методологическая основа работы, освещается степень изученности темы, обозначаются источники исследования, и определяется практическая ценность работы.

Глава I. Критики о романе Л.Н.Толстого «Анна Каренина»

1.1. Художественное своеобразие романа «Анна Каренина»

Счастлив тот, кто счастлив у себя дома.

Л.Н. Толстой

В 1878 году в журнале М. М. Стасюлевича «Вестник Европы» была напечатана статья «Каренина и Левин». Автором этой статьи был А. В. Станкевич, брат известного философа и поэта Н. В. Станкевича. Он доказывал, что Толстой написал вместо одного или двух романа. Как «человек сороковых годов», Станкевич откровенно придерживался старозаветных понятий о «правильном» жанре. Он иронически называл «Анну Каренину» романом «романом широкого дыхания», сравнивая его со средневековыми многотомными повествованиями, которые некогда находили «многочисленных и благодарных читателей». С тех пор философский и литературный вкус «очистился» настолько, что были созданы «непререкаемые нормы», нарушение которых не проходит даром для писателя. Бунт Анны против лживой морали света оказывается бесплодным. Она становится жертвой не только своего конфликта с обществом, но и того, что есть в ней самой от этого самого общества «дух лжи и обмана» и с чем не может примириться ее собственное нравственное чувство. Трагическое ощущение своей вины не оставляет ее. Размышляя о своих отношениях с Вронским, Анна четко и откровенно формулирует самую суть противоречия, трагическая неразрешимость которого предопределяет всю невыносимость ее положения: «Если бы я могла быть чем-нибудь, кроме любовницы, страстно любящей одни его ласки; но я не могу и не хочу быть ничем иным». Истоки трагедии Анны не только во внешних препятствиях, но и в ней самой, в характере ее страсти, в невозможности уйти от укоров совести. Центральная для романа проблема рассматривается на примере нескольких семейных пар: Анна — Каренин, Долли — Облонский, Кити — Левин. «Анна Каренина» — роман, который поработил умы целого поколения, дал темы для споров и отразил социальную эпоху.

Крупнейший социальный роман Л.Н. Толстого в истории классической русской и мировой литературы — «Анна Каренина» — имеет в самом существенном, а именно в идейном обогащении первоначального замысла, типическую для больших произведений великого писателя творческую историю. Роман был начат под непосредственным воздействием Пушкина, и в частности его незавершенного художественного отрывка «Гости съезжались на дачу», помещенного в V томе сочинений Пушкина в издании П. Анненкова. «Я как-то после работы, — писал Толстой в неотправленном письме к Н. Страхову, — взял этот том Пушкина и, как всегда (кажется 7-й раз), перечел всего, не в силах оторваться, и как будто вновь читал. Но мало того, он как будто разрешил все мои сомнения. Не только Пушкиным прежде, но ничем я, кажется, никогда я так не восхищался. Выстрел, Египетские ночи, Капитанская дочка. И там есть отрывок «Гости собирались на дачу». Я невольно, нечаянно, сам не зная зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман, который я нынче кончил начерно, роман очень живой, горячий и законченный, которым я очень доволен и который будет готов, если бог даст здоровья, через 2 недели и который ничего общего не имеет со всем тем, над чем я бился целый год. Если я его кончу, я его напечатаю отдельной книжкой». Взволнованно-восторженный интерес к Пушкину и его гениальным созданиям в прозе сохранился у писателя и в дальнейшем. Он говорил С. А. Толстой: «Многому я учусь у Пушкина, он мой отец, и у него надо учиться». Имея в виду «Повести Белкина», Толстой писал в неотправленном письме к П. Д. Голохвастову: «Писателю надо не переставать изучать это сокровище». И позже, в письме к тому же адресату, он рассказывал о «благодетельном влиянии» Пушкина, чтение которого «если возбуждает к работе, то безошибочно»¹. Таким

Свительский В.А. Логика авторской оценки в романе Л.Толстого «Анна Каренина» Толстовский сборник. Выпуск 5. Доклады и сообщения XII толстовских чтений. -Тула, 1975.

образом, многочисленные признания Толстого с очевидностью свидетельствуют о том, что Пушкин для него явился сильнейшим возбудителем к творческой работе. Что именно привлекло внимание Толстого в отрывке Пушкина «Гости съезжались на дачу», можно судить по его словам: «Вот как надо писать, — заявил Толстой.— Пушкин приступает прямо к делу. Другой бы начал описывать гостей, комнаты, а он вводит в действие сразу». Итак, не интерьер, не портреты гостей и не те традиционные описания, в которых рисовалась обстановка действия, а само действие, непосредственное развитие сюжета — все это привлекло автора «Анны Карениной». С отрывком Пушкина «Гости съезжались на дачу» связано создание тех глав романа, в которых описан съезд гостей у Бетси Тверской после театра. Так должен был начинаться роман по первоначальному замыслу. Сюжетно-композиционная близость этих глав и отрывка Пушкина, а также сходство ситуаций, в которые попадают пушкинская Зинаида Вольская и толстовская Анна, очевидны. Но и начало романа в последней редакции лишено каких-либо «вводящих» описаний; если не иметь в виду моралистической сентенции, оно сразу, по-пушкински погружает читателя в гущу событий в доме Облонских. «Все смешалось в доме Облонских» — что смешалось, читатель не знает, он узнает потом, — но эта широко известная фраза круто завязывает узел событий, которые развернутся впоследствии. Таким образом, начало «Анны Карениной» написано в художественной манере Пушкина, да и весь роман создавался в атмосфере глубочайшего интереса к Пушкину и к пушкинской прозе. И вряд ли случайно писатель избрал в качестве прототипа своей героини дочь поэта Марию Александровну Гартунг, запечатлев выразительные черты ее внешности в облике Анны. «Анна Каренина» занимала творческую мысль писателя в течение более четырех лет. В процессе художественного воплощения ее первоначальный замысел претерпел коренные изменения. Из романа о «неверной жене», носившего вначале названия «Два брака», «Две четь», «Анна Каренина» превратилась в крупнейший социальный роман, в ярких

типичных образах отразивший целую эпоху в жизни России. Еще в начале 1870 года в творческом сознании Толстого наметился сюжет о замужней женщине «из высшего общества, но потерявшей себя», причем она должна была выглядеть "только жалкой и не виноватой". Многочисленные замыслы и планы, занимавшие тогда писателя, все время отвлекали его от этого сюжета. Лишь после написания "Кавказского пленника", издания "Азбуки" и окончательного решения отказаться продолжать "петровский роман" Толстой вернулся к возникшему три с лишним года назад семейному сюжету. Из писем явствует, что самому Толстому его новое произведение представлялось начерно оконченным уже весной 1873 года. На деле, однако, работа над романом оказалась куда более длительной. Вводились новые герои, новые эпизоды, события, темы и мотивы. Подвергся переработке и переосмыслению образ заглавной героини, были углублены индивидуальные характеристики других действующих лиц и смещены акценты в авторской их оценке. Это значительно усложнило сюжет и композицию, привело к видоизменению жанровой природы романа. В результате работа растянулась на целое четырехлетие - до середины 1877 года. За это время образовалось двенадцать редакций романа. С января 1875 года было начато печатание "Анны Карениной" в журнале "Русский вестник", а в 1878 году роман вышел отдельным изданием. Первоначально произведение мыслилось как семейно-бытовой роман. В письме Н. Страхову Толстой говорит, что это — первый его роман такого рода. Утверждение не точно: первым опытом Толстого в жанре семейного романа, как известно, было "Семейное счастье". Главной, основной мыслью, которую Толстой любил и стремился художественно воплотить в своем новом романе, была "мысль семейная". Она возникла и сложилась на ранней стадии создания "Анны Карениной". Этой мыслью определялись тема и содержание романа, взаимоотношения между героями и суть романного конфликта, драматическая напряженность действия, основная линия сюжета и жанровая форма произведения. Окружавшая героев обстановка носила интимно-камерный характер. Предельно узким выглядело

социальное пространство романа. Толстой скоро почувствовал, что в рамках семейного сюжета ему тесно. И, продолжая разработку той же сюжетной ситуации - о "потерявшей себя женщине", Толстой придал повествованию об интимных переживаниях героев глубокий социально-философский смысл, важное злободневно-общественное звучание. На требования современности Толстой всегда откликался с необычайной чуткостью. В предыдущем романе-эпопее было лишь "тайное присутствие современности"¹; роман "Анна Каренина" жгуче современен по материалу, проблематике и всей художественной концепции. По мере того как с возрастающей напряженностью разворачивается романский сюжет, Толстой "захватывает" и вводит в повествование множество вопросов, которые тревожили и самого автора, и его современников. Это уже не только семейные отношения, но и социальные, и экономические, и гражданские, и вообще человеческие. Все важнейшие стороны и явления современности в их реальной сложности, запутанности и взаимном сцеплении полно и живо отразились в "Анне Карениной". Каждая из тех семей, что изображены в романе, естественно и органично включена в жизнь общества, в движение эпохи: частная жизнь людей выступает в тесной связи с исторической действительностью и в причинной обусловленности ею. В окончательном виде "Анна Каренина" стала социально-психологическим романом, сохраняющим, однако, все качества и жанровые признаки семейного романа. Будучи произведением многопроблемным, роман "Анна Каренина" приобрел черты современной эпопеи — всеобъемлющего повествования о судьбе народа в целом, о состоянии русского общества в трудный для него, переломный период существования, о будущем страны, нации, России. Время действия в "Анне Карениной" синхронно времени создания романа. Это — пореформенная эпоха, еще точнее: 70-е годы XIX века с экскурсом в предшествующее десятилетие. Это период сильно поколебленной и

¹Ермилов В.В. Роман Л.Н.Толстого «Анна Каренина».- М.: Гослитиздат, 1963. С.127.

"перевернувшейся" русской социальной действительности, когда настал конец патриархальной неподвижности России. Сущность происшедших и происходивших коренных перемен Толстой выразительно и метко определил словами Константина Левина: "...у нас теперь, когда все это переверотилось и только укладывается, вопрос о том, как уложатся эти условия, есть только один важный вопрос в России...". Толстовские герои живут и действуют в самом начале этого периода, когда жизнь выдвинула перед ними "все самые сложные и неразрешимые вопросы". Какой ответ будет дан на них, не было сколько-нибудь отчетливого представления ни у самого писателя, ни у его двойника Левина, ни у других героев "Анны Карениной". Тут было много неясного, непонятного и потому тревожного. Виделось зримо одно: все сдвинулось с места, и все находится в движении, в дороге, в пути. И не раз появляющийся в романе образ поезда как бы символизирует историческое движение эпохи. В беге и грохоте поезда - шум, грохот и стремительный бег времени, эпохи. И никто не знал, правильно ли определено направление этого движения, верно ли выбрана станция назначения. Кризисная, переломная пореформенная эпоха предстает в романе Толстого не только как исторический и социальный фон, на котором выступают графически четко "вычерченные" и богатые реалистическими красками действующие лица, бегут кадры драматического повествования и совершается трагическая развязка основного конфликта, но это — та живая, объективно данная реальность, в которую постоянно погружены герои и которая всюду и везде окружает их. И поскольку все они дышат воздухом своей эпохи и ощущают ее "подземные толчки", на каждом заметен характерный отпечаток "пошатнувшегося" времени — тревога и беспокойство, неуверенность в себе и недоверие к людям, предчувствие возможной катастрофы. Эпоха отразилась больше в эмоциях героев романа, чем в их сознании. Толстой во всей сложности, полноте и художественной правде воссоздал насыщенную грозowymi зарядами общественную, нравственную и семейно-бытовую атмосферу, которая, то явно и прямо, то чаще всего опосредованно и скрыто,

сказывается на душевном состоянии его героев, их субъективном мире, психике и складе мыслей, на общем моральном облике людей. Отсюда интенсивность переживаний и напряженность человеческих страстей, которыми живут наиболее значительные герои "Анны Карениной", их острая реакция - положительная или отрицательная - на происходящее в жизни, запутанность их отношений.

Литературная деятельность Толстого после "Войны и мира" характеризуется в основном двумя тенденциями: расширением социальности и углублением психологизма. Социальный охват явлений значительно раздвинулся и стал более разнообразным, а психологический анализ человеческой природы углубился. Этот процесс был взаимообусловленным. Дописывая последние страницы романа-эпопеи, Толстой, несмотря на то, что в продолжение шести с лишним лет работал до изнеможения, ощутил потребность в обращении к новым темам и образам. Уже осенью 1869 года, когда в рукописи "Война и мир" еще не была поставлена последняя точка и шло печатание глав эпилога, у Толстого явилась мысль написать "народный роман". Творческому воображению писателя этот роман в общих очертаниях представлялся как эпическое повествование, основанное на материале, мотивах и образах устного народного творчества, в частности на былинах. Действующими лицами романа Толстой собирался сделать былинных русских богатырей, среди которых в качестве главного героя виделся Илья Муромец, только значительно обновленный и мысленно перенесенный в современность: это — русский интеллигентный человек середины века, широко образованный, хорошо знающий современные философские системы, течения и школы и в то же время тесно связанный с народными истоками жизни. Однако замысел "народного романа" вскоре был вытеснен другим - историческим романом из Петровской эпохи. К писанию романа о Петре I и людях его времени Толстой приступил в самом начале 1870 года и, порой ненадолго отрываясь для новых неотложных литературных и общественных дел, продолжал работу в течение почти трех лет. Но и этот

роман пришлось отложить. Причину этого сам писатель объяснял так: "...я нашел, что мне трудно проникнуть в души тогдашних людей, до того они не похожи на нас". Была, по-видимому, и еще одна немаловажная причина: чем глубже Толстой проникал в личность Петра I, постигал своеобразие его нравственного облика и суть его практических дел, тем большую антипатию он испытывал к царю как к человеку и государственному деятелю. Его отталкивали в Петре жестокость и шутовство. Позднее Толстой недвусмысленно скажет: "Царь Петр был от меня очень далек". Как бы там ни было, роман о Петре остался ненаписанным; сохранились многочисленные наброски отдельных глав, в том числе свыше тридцати вариантов начал романа. Когда делались первые наброски будущего "петровского" романа, Толстой исподволь стал обдумывать план книги для детского чтения и начального обучения детей и тогда же приступил к предварительному сбору материалов. Задуманная Толстым учебная книга, получившая название "Азбука", вышла из печати в конце 1872 года. Тремя годами позднее Толстой, значительно переделав "Азбуку", обновил и дополнил ее содержание и, разделив ее на две половины, издал двумя отдельными книгами - "Новая азбука" и "Русские книги для чтения" (1875). В самый разгар работы над "Азбукой" Толстой писал одному из своих друзей: "Гордые мечты мои об этой азбуке вот какие: по этой азбуке только будут учиться два поколения русских всех детей от царских до мужицких и первые впечатления поэтические получают из нее, и что, написав эту Азбуку, мне можно будет спокойно умереть". "Азбука" явилась учебно-педагогической книгой: это одновременно и школьное пособие для учащихся начальных классов, и своеобразный сборник литературно-художественных текстов и научно-популярных статей, т. е. нечто вроде хрестоматии. "Азбука" делится на четыре книги, каждая из которых в свою очередь состоит из четырех разделов: сначала идет материал для упражнения в чтении, затем тексты на церковнославянском языке, далее - начальные сведения по арифметике и естественным наукам и, наконец, методические указания для учителей.

Авторские советы и указания, адресованные педагогам и содержащие оригинально разработанную методику обучения письму и счету, и многочисленные статьи-рассказы по физике, астрономии и естествознанию, и собственно художественные произведения, - все в этой книге было написано или же радикально переработано самим Толстым. Если учесть, что в "Азбуке" около восьмисот страниц, то легко представить, какой колоссальный труд был затрачен писателем на ее создание. Целевая заданность "Азбуки", предназначенной главным образом крестьянским детям и широким народным массам, которые только приобщаются к начальному образованию, обусловила характерные особенности художественной формы включенных в нее литературных произведений. Они, как правило, невелики по объему и построены на занимательном и поучительном сюжете, отличаются предельным лаконизмом повествования, четкой композицией, ясностью и простотой авторского языка и диалогической речи. В "азбучных" рассказах нет ни того углубленного толстовского психологизма, который именуется "диалектикой души", ни синтаксически сложного построения фразы, ни затрудненной лексики. Поэтика, стиль, язык - все в "Азбуке" ново сравнительно с тем, что и как Толстой писал в предшествующее двадцатилетие. Но его признанию, он решительно изменил прежние "приемы своего писания и язык". Говоря о новых приемах письма и нарочито полемически заостряя свою мысль, Толстой заявил в начале 1872 года, что он теперь не пишет и впредь больше никогда не станет писать такой "дребедени многословной", как "Война и мир". Теперь он строго требует, чтобы в литературном произведении "все было красиво, коротко, просто и, главное, ясно". Что касается собственных "азбучных" рассказов, то их художественное достоинство Толстой видит "в простоте и ясности рисунка и штриха, т. е. языка". Именно эти качества - простоту, сжатость и динамизм повествования - Толстой в ту пору обнаруживал и в русском фольклоре, и в пушкинской прозе, и в античной литературе. "...Песни, сказки, былины, - писал Толстой в марте 1872 года,- все простое будут читать, пока будет

русский язык". И далее: "...язык, которым говорит народ и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, - мне мил <...> просто люблю определенное, ясное и красивое и умеренное и все это нахожу в народной поэзии и языке и жизни и обратное в нашем"¹. По свидетельству жены писателя, Лев Николаевич был увлечен мечтой "о произведении столь же чистом, изящном, где не было бы ничего лишнего, как вся древняя греческая литература, как греческое искусство". Известно, что античную литературу и античное искусство Толстой знал превосходно, а чтобы читать произведения древних авторов в оригинале, он с конца 1870 года занялся самостоятельным изучением греческого языка и в течение трех месяцев овладел им в совершенстве. Образцом тех "приемов и языка", которые Толстой в эту пору стал применять в своем творчестве и был намерен также и в будущем пользоваться при написании произведений не только для детей, но и "для больших", сам писатель признавал повесть "Кавказский пленник" (1872). Повесть была написана специально для "Азбуки". Выполненное в новой стилевой манере, это произведение явилось выдающимся художественным созданием Толстого начала 70-х годов. Повестью "Кавказский пленник" и циклом рассказов в "Азбуке" Толстой положил начало реалистической прозе для детей в русской литературе. Одновременно с писанием "Азбуки" Толстой отдавал много сил и таланта делу народного образования и школьно-педагогической деятельности, которую он возобновил после десятилетнего перерыва. Своим долгом писателя и человека Толстой считал энергичное практическое содействие тому, чтобы сделать все население России грамотным, приобщить весь народ - и, прежде всего, конечно, крестьянство - к образованию и культуре. Он был убежден в том, что в России дело образования народных масс можно и должно "поставить на такую ногу, на которой оно не стоит и не стояло нигде в Европе". Этой насущно важной проблеме Толстой посвятил статью "О

¹ Толстой Л.Н. Что такое искусство: сборник Л.Н. Толстой. Литература, искусство.- М., 2008. С.56.

народном образовании" (1874), которая была напечатана в некрасовских "Отечественных записках". Статья вызвала оживленную дискуссию. В яснополянском имении Толстой открыл в январе 1872 года школу. Занятия с учениками вели всей семьей - и сам Лев Николаевич, и его дети Сережа, Таня, Илья. Толстой был встревожен тем ненормальным положением, при котором из-за нищеты и повсеместной неграмотности в русском народе гибнут несомненно талантливые люди! Их надо как можно скорее спасать, всячески помогать им проявить свои природные способности. В конце 1874 года Толстой писал: "Я не рассуждаю, но когда я вхожу в школу и вижу эту толпу оборванных, грязных, худых детей, с их светлыми глазами и так часто ангельскими выражениями, на меня находит тревога, ужас, вроде того, который испытывал бы при виде тонущих людей. Ах, батюшки, как бы вытащить, и кого прежде, кого поелю вытащить. И тонет тут самое дорогое, именно то духовное, которое так очевидно бросается в глаза в детях. Я хочу образования для народа только для того, чтобы спасти тех тонущих там Пушкиных, Остроградских, Филаретов, Ломоносовых. А они кишат в каждой школе". Этими мыслями и настроениями, не дававшими писателю ни дня покоя, было пронизано самое большое его художественное произведение 70-х годов - роман «Анна Каренина».

1.2. «Мысль семейная» в романе «Анна Каренина».

Понятие «семья» в творчестве Толстого Семья всегда была и будет «онтологическим» центром любых общественных и личных потрясений и катаклизмов: войн, революций, измен, ссор, вражды так же, как и мира, любви, блага, радости и тому подобное. Сам Толстой называл свой "семейный опыт" "субъективно-общечеловеческим". Семейную модель человеческих отношений он рассматривал в качестве универсальной, общезначимой основы братства, любви, прощения и т.д., так как именно родным людям мы склонны прежде всего прощать, терпеть от них обиды, забывать причиненное ими зло и жалеть их за это зло, ибо само родство, сама совместная жизнь превращает их "зло" в их "слабость", неумение быть добрыми, делает нас как бы "соучастниками" этого "зла", поскольку нормальный в нравственном отношении человек просто не может не почувствовать своей вины в том, что близкий, родной ему человек "плох". И вместе с тем только в рамках семейной жизни, родственных связей могут возникать явные отклонения от "закона любви", вопиющие нарушения принципов человечности и нравственности, которые в других ситуациях не выглядят столь шокирующими (например, зависть сына к отцу, от которой страдал Толстой, ненависть жены к мужу и т.п.), когда с полным основанием можно сказать, что "враги человеку домашние его". И Толстой глубоко переживал все эти ситуации, познав и агрессивность, и лукавство, и многообразие такого зла. Оставаясь в семье до последних дней своей жизни, Толстой поступил последовательно и принципиально. Его жизнь в условиях контраста роскоши и нищеты, рабства и свободы, "ненависти" и "любви" протекала в самом напряженном, центральном пространстве нравственного бытия человека. Ни война, ни изгнание, ни социальные бедствия и т.п. не могли дать ему столько опыта соприкосновения с пороками жизни, сколько дали "семейная война", "семейное изгнанничество" и "семейная беда". В семье человек рождается и умирает, в ней проходит вся его жизнь. Здесь он впервые сталкивается с требованиями "общего", проходит первую школу

отношений с людьми и узнает с полной очевидностью к неопровержимой достоверностью, что его счастье неотделимо от счастья других и что другие и есть он сам. Толстой был убежден, что "род человеческий развивается только в семье". Следовательно, ее разрушение в его глазах было чревато самыми страшными последствиями для всего человечества. Семья есть основание, исток и рода, и личности. Она необходима для существования как "общего", так и "личного". Если "общее" - человеческий род, народ, общество, государство - не может обойтись без семьи, то и отдельный человек, согласно Толстому, только в семье живет полноценной, серьезной жизнью. Общая необходимость в форме глубокой личной потребности. А у современников писателя исчезло должное понимание семьи, ее глубочайшего значения в жизни отдельного человека и общества.

Развитие темы семьи и дома в романе Толстой дает в романе целый ряд взглядов на семью. Яшвин и Катавасов - герои эпизодические, но со своими определенными и характерными воззрениями на брак. Оба смотрят на семью как на помеху чему-то более важному: один - игре в карты, другой - науке. Для Серпуховского, молодого, преуспевающего генерала, "женитьба - единственное средство с удобствами без помехи любить и заниматься своим делом"¹. И наконец, наиболее полно развернуто отношение к семейной жизни светской молодежи, к которой принадлежит Вронский. Он и его друзья видят в ней нечто низменное, прозаически-скучное, удел серых и обыкновенных людей. Толстой показал в романе множество очень разных людей: Облонский, Яшвин, Катавасов, Серпуховской, Вронский, Петрицкий, которые относятся к семье как к делу второстепенному. Причем их взгляды на семью носят не теоретический, а чисто практический характер. Герои руководствуются ими в жизни, поэтому их убеждения настоящие, хотя и неверные, с точки зрения автора. Они создают духовную атмосферу, указывающую на глубокое неблагополучие современного общества,

¹ Плохотишина В.Г. Мастерство Л.Н.Толстого- романиста.- Днепропетровск: Книжное изд-во,2000

трагически выразившееся ярче всего в судьбе Анны Карениной. Толстовская "мысль семейная" раскрывается в сложном соединении всех эпизодов, событий, описаний героев, но все же стержень ее образуют две сюжетные линии: Анна - Вронский, Кити - Левин. Не надо забывать, что, хотя роман назван именем одной героини, ее история занимает только около трети всего объема произведения. Левину, не имеющему прямого отношения к судьбе Анны, уделено не менее внимания, чем ей. Истории героев, очевидно, развиваются параллельно и разнонаправленно: Кити и Левин от разочарования, тяжелых переживаний приходят к прочному и спокойному семейному счастью. Анна и Вронский неуклонно и неотвратно движутся навстречу трагедии. Связь Кити и Левина, есть жизнь, отношения Анны и Вронского развиваются под знаком смерти. "Как счастливо вышло тогда для Кити, что приехала Анна, - сказала Долли, - и как несчастливо для нее, Вот именно наоборот, - прибавила она, пораженная своею мыслью. - Тогда Анна так была счастлива, а Кити себя считала несчастливою. Как совсем наоборот!". Наоборот чему? Наоборот представлениям о счастье и благе, которые царят в обществе. Причина противоположности судеб героев - в различном отношении их к семье и браку. Эти взгляды не сталкиваются на публичной арене споров и диспутов, поэтому и невозможна, принципиально невозможна событийная, сюжетная связь двух линий. Но суть воззрений героев вполне раскрывается их жизнью, их судьбой. Здесь Толстой следует философским традициям русского реалистического романа: Пушкина, Лермонтова, Гончарова, Тургенева. Так же как его предшественники и современники, автор "Анны Карениной" показывает воздействие среды на человека, используя те же приемы расстановки положительных и отрицательных начал: исследуя, как хорошие, честные, справедливые люди преступают нравственный закон. Брак Анны и Каренина - это совершенно очевидно - был чуть ли не случайным для нее и невольным для ее мужа, да и для них обоих, один из тех браков, которые редко бывают прочными и не дают людям счастья, потому что совершаются без живого участия сердца, без

взаимной любви. О таких браках сама Анна позднее услышит частые разговоры в салоне Бетси Тверской. Жена посланника высказала распространенный в светском обществе взгляд: для счастливого брака не нужны чувства, страсти, не нужна любовь. "Я знаю счастливые браки только по рассудку",- сказала жена посланника. Вронский, участвовавший в споре, возразил на это: "Да, но зато, как часто счастье браков по рассудку разлетается как пыль именно оттого, что появляется та самая страсть, которую не признавали...". Именно это и произошло в семье Карениных. Анна и Алексей Каренины прожили вместе восемь лет, но об их брачной жизни в романе сказано совсем мало, а первые годы их супружества и вовсе не упомянуты. Неизвестно, например, как долго Анна была "губернаторшей" в провинции и когда она с мужем переехала в Петербург. Поселившись в столице, Анна свободно и легко вошла в высшее аристократическое общество. Ей был открыт доступ в три различных кружка избранных лиц петербургского света, где, по словам автора, она "имела друзей и тесные связи". Один состоял из высокопоставленных правительственных чиновников, тесно связанных по службе с Карениным и потому часто бывавших в его доме, но этот "служебный, официальный круг ее мужа" был довольно скучен, и Анна по возможности избегала его. С гораздо большей охотой Анна появлялась в том кружке, центром которого была графиня Лидия Ивановна; туда Анна обычно приезжала в сопровождении своего мужа, высоко ценившего графиню. Особенно же тесно Анна была связана с людьми "партии крокета" - с кружком княгини Бетси Тверской. В этот салон, объединявший сливки петербургского света, Анну ввела его хозяйка княгиня Бетси, которая была дальней родственницей Анны - женою ее двоюродного брата - и являлась двоюродной сестрой Вронского. Анна охотно и часто посещала этот салон, который впоследствии был местом ее встреч с Вронским. Очевидно, что Анна в замужестве предавалась обычным светским развлечениям и удовольствиям, для которых у нее было много свободного времени. Но она не походила на барышень и дам петербургского света тем,

что отличалась скромностью своего поведения и безусловной супружеской верностью. Хотя и было заметно что-то "фальшивое во всем складе их семейного быта", однако внешне жизнь Анны с Карениным выглядела вполне благополучной, однообразно-спокойной, что называется, без бурь и потрясений. У Анны появился ребенок, и она искренне занялась воспитанием своего Сережи, которого очень любила. К обязанностям и долгу жены она относилась строго, и у Каренина не было ни повода, ни причин для недоверия к ней, для ревности и семейных сцен. В той части романа, где речь идет об Анне до ее измены мужу, нет даже упоминания о столкновениях между ними, о ссорах, взаимных упреках и оскорблениях, а тем более - о ненависти друг к другу. Не видно, чтобы и Каренин но был ей верен в годы их супружества. Одним словом, до поры до времени Анна решительно ничем и никак не выражала неудовлетворенности своей семейной жизнью с Карениным, своей судьбой и своим положением в светском обществе. Каренин далеко не идеальный муж, и он был ей не пара. Но все-таки не следует забывать, что жесткие, уничижительные и уничтожающие суждения пришли Анне на ум уже после ее измены Каренину и что ее слова продиктованы ненавистью к нему, которая рождена вспыхнувшей страстью к Вронскому. Обвиняя мужа в том, что он не знает, что такое любовь, вообще не знает, бывает ли она на свете, Анна умалчивает о том, что и она сама, честно и добросовестно исполняя супружеские обязанности, тоже долго не имела никакого понятия о любви, пока это чувство не пробудил в ней Вронский. И как раз в это время - в момент резких потрясений ее души и последовавшего затем крутого перелома в ее поведении, взглядах и образе жизни - Анна предстает перед читателем во всей ее гордой красоте и женской пленительности. Нередко в критической литературе можно встретить мнение о Вронском как о человеке, недостойном высокой любви Анны, в чем и видят главную причину гибели героини. Но Толстой, нисколько не идеализируя Вронского, все-таки пишет, что он был человеком "с очень добрым сердцем". Обаяние, красота, справедливость, духовная и интеллектуальная

незаурядность Анны вне всякого сомнения. Отсюда мысль чаще всего идет по устойчивой колее: все лучшее гибнет и должно гибнуть в этом проклятом мире буржуазного лицемерия и лжи. Действительно, сколько мы знаем романов, повествующих о преградах на пути влюбленных, страдающих из-за разбитых надежд. В "Анне Карениной" трагическая ситуация складывается после и в результате осуществления желаний героев. Центр тяжести перенесен с ухаживания, соперничества, ожидания любви на изображение жизни любовников. Если, к примеру, в тургеневских романах герой испытывается любовью, способностью сделать один решительный шаг к объяснению с любимой, то у Толстого суть героя раскрывается в семейной жизни, в процессе, а не в моменте. В произведениях, рассказывающих о стремлении героя к любви, счастье представляется осуществлением желания, а вся остальная жизнь как бы лишается ценности и значения. Толстой полемически отвергал такой взгляд как извращающий суть жизненного пути человека. По убеждению автора "Анны Карениной", жизненная пора человека, столь излюбленная романистами, есть еще не жизнь, а только преддверие ее. Для писателя наиболее ответственный и серьезный период начинается тогда, когда влюбленные, соединившись, ведут совместную жизнь, именно тогда и раскрывается человек и выясняется истинная цена его идеалов и убеждений. Несомненно, общество виновно в трагедии героини, но не в лицемерном осуждении связи Анны с Вронским, а в фактическом поощрении ее. Как и в романах русских писателей, в "Анне Карениной" дается анализ воздействия общественных идеалов на человека и его судьбу. Личность у Толстого имеет несколько уровней, и подлинная суть, ее ядро, определяющие действия и поступки, не осознается героем в полной мере. Идеалы героев не становятся предметом рефлексии, обсуждения, споров. Они носят не теоретический, а органический характер и воспринимаются героями как нечто бесспорное, истинное и поэтичное, что признается всеми передовыми, настоящими людьми. "Вронский никогда не знал семейной жизни" - так начинается глава, рассказывающая о его отношении к Кити.

Фраза ключевая к образу героя, определяющая и объясняющая историю любви Вронского и Анны. Именно здесь надо искать истоки трагедии этих героев. Вронский не получил истинного и хотя элементарного, но самого необходимого, согласно Толстому, образования в семье. Того образования, которое приобщает человека к духовным основам жизни, не с помощью книг, учебных заведений, а через непосредственное общение с матерью, отцом, братьями. Он не прошел начальную школу воспитания человечества, где закладывается фундамент личности. "Женитьба для него никогда не представлялась возможностью. Он не только не любил семейной жизни, но в семье, и в особенности в муже, по тому общему взгляду холостого мира, в котором он жил, он представлял себе нечто чуждое, враждебное, а всего более - смешное". Толстой, следуя заветам русского реалистического романа, рассказал о воспитании героя, сформировавшем ядро его личности, которое составляют симпатии, антипатии и главное - то, что он любит. Только о воспитании двух героев - Левина и Вронского - сообщается в романе, что говорит об особом значении их для раскрытия и понимания трагедии главной героини. Контрастность начал, в которых воспитывались Левин и Вронский, определяет и разнонаправленность их жизненных путей. Толстой не рассказывает подробно, как они воспитывались, какие читали книги, кто были их учителя и гувернеры. Он сообщает только об одном, самом важном и существенном - о семейной атмосфере и об отношении Левина и Вронского к родителям, и прежде всего к матерям. Вронский "в душе своей не уважал матери и, не давая себе в том отчета, не любил ее..."¹. Для Левина понятие о матери было "священным воспоминанием, и будущая жена его должна была быть в его воображении повторением того прелестного, святого идеала женщины, каким была для него мать". Линия, связывающая образ матери с женой, проведена Толстым четко и определенно. Материнская любовь, выпавшая на долю ребенка, формирует истинное, глубокое и серьезное

¹ Добин Е.С. Герой. Сюжет. Деталь.- М.-Л., Просвещение. 1962. С.134.

отношение к женщине. "Любовь к женщине он (Левин) не только не мог себе представить без брака, но он прежде представлял себе семью, а потом уже ту женщину, которая даст ему семью". А если общие, теоретические взгляды героев романа меняются легко и порой даже незаметно для них самих, то чувства, вынесенные из детства, составляют прочную основу личности. По своей природе теоретические воззрения и должны меняться, развиваться, и Толстой жил как раз в эпоху, когда возникновение и развитие идей в России сделало качественный скачок, когда обилие, противоречивость и быстрая их смена стали новым явлением в русской общественной жизни. А в понимании семьи как неизменно необходимого для человечества института человек должен был руководствоваться надежным, в глазах писателя, средством - чувством, приобретенным в жизненном опыте. Ведь Толстой был убежден: "Человек познает что-либо вполне только своей жизнью... Это высшее или, скорее, глубочайшее знание". Вронский был лишен того положительного опыта счастливой: жизни в семье, которым обладал Левин. Мать Вронского обвиняла в несчастьях сына Каренину, но в действительности вина в большей степени лежала на ней самой. "Мать его (Вронского) была в молодости блестящая светская женщина, имевшая во время замужества, и в особенности после, много романов, известных всему свету". Образ матери, чувство семьи, полученное Левиным в детстве, направляло его в жизни. Почему он был так уверен, что счастье достижимо? Потому что оно уже было у него. Какой должна быть семья, как строить отношения между мужем, женой, детьми? Левин знал исчерпывающие ответы на эти вопросы - так, как строили их его мать и отец. Тяжело больной, бездомный, скитающийся по гостиницам Николай закликает брата: "Да смотри же, ничего не переменяй в доме, но скорее женись и опять заведи то же, что было". "Глубочайшее знание", обретенное героями в детстве, во многом предопределило их судьбы, породило у каждого особый строй чувств. Толстой показывает, как-то, что было заложено в чувствах героев, развертывается в судьбу. Левин и Вронский - каждый по-своему переживает,

ощущает свою любовь. Это как бы два разных, взаимоисключающих рода любви, не понимающих и совершенно закрытых друг для друга. Любовь Вронского замыкает его на самом себе, отъединяя от людей и внешнего мира, и, по сути, обедняет его. Если и прежде он "поражал и волновал незнакомых ему людей своим видом непоколебимого спокойствия, то теперь... еще более казался горд и самодовлеющ. Он смотрел на людей, как на вещи. <...> Вронский ничего и никого не видел. Он чувствовал себя царем, не потому, чтоб верил, что произвел впечатление на Анну, - он еще не верил этому, - но потому, что впечатление, которое произвела она на него, давало ему счастье и гордость". Толстой, даже говоря о чувствах героя, не просто передает их, но тщательно анализирует. Он показывает силу, привлекательность чувств Вронского и в то же время обнажает их эгоистическую суть, хотя и не имеющую в себе в настоящей форме ничего ни отталкивающего, ни зловещего. Главный предмет изображения и исследования у Толстого - человеческие взаимоотношения, что выдвигает в центр его художественного мира этическую оценку. И она присутствует даже в описании любовных чувств героев, в неявном, потаенном виде. Отметим ударные, несущие в себе этический смысл слова из приведенного отрывка: "горд, самодовлеющ", "смотрел на людей, как на вещи", "ничего и никого не видел", "чувствовал себя царем". В мире Толстого человек, оставаясь наедине с собой, переживая самое личное, глубоко интимное чувство, раскрывается в отношении ко всем людям. Этическая установка автора "Анны Карениной" в анализе любовных переживаний Вронского проясняется в полной мере при сравнении их с чувствами Левина, находившегося в особом состоянии духа после объяснения в любви Кити. "Замечательно было для Левина то, что они (окружающие его люди) все для него нынче были видны насквозь, и по маленьким, прежде незаметным признакам он узнавал душу каждого, и ясно видел, что они все были добрые". Истинная любовь делает человека мудрее. Левин пребывает не в состоянии восторженности, опьянения, когда возникает иллюзия прекрасного мира, а в состоянии прозрения, открывая то,

что было скрыто от него раньше. У Вронского, полюбившего Анну, интерес к людям и окружающему миру уменьшается, мир как бы исчезает для него, и он целиком поглощается чувством довольства и гордости собой. В параллель к трагической судьбе Анны с ее несчастной семейной жизнью Толстой рисует счастливую семейную жизнь Левина и Кити. Здесь и сведены воедино различные сюжетные линии романа. Образ Кити принадлежит к лучшим женским образам русской литературы. Кроткие правдивые глаза, в которых выражались детская ясность и доброта ее души, придавали ей особенную обаятельность. Кити жаждала любви как награды за свою красоту и привлекательность, она вся охвачена юными девическими мечтаниями, надеждой на счастье. Но измена Вронского подорвала ее веру в людей, она теперь склонна была видеть во всех их поступках только одно дурное. На водах Кити встречается с Варенькой и воспринимает ее вначале как воплощение нравственного совершенства, как идеал девушки, живущей какой-то иной, незнакомой ей доселе жизнью. От Вареньки она узнает, что, помимо "жизни инстинктивной", существует "жизнь духовная", основанная на религии, но религии не официальной, связанной с обрядами, а религии возвышенных чувств, религии жертвования собой во имя любви к другим; и Кити всей душой привязалась к своей новой подруге, она, так же как и Варенька, помогала несчастным, ухаживала за больными, читала им евангелие. Здесь Толстой стремился поэтизировать религию "всеобщей" любви и нравственного самоусовершенствования. Он пытается показать, что только на пути обращения к евангелию можно спасти себя, избавиться от власти "инстинктов" тела и перейти к высшей жизни, "духовной". Такой жизнью живет Варенька. Но это "существо без молодости", лишенное "сдержанного огня жизни", было похоже "на прекрасный... но уже отцветший, без запаха цветов". И ровное отношение к людям, и внешнее спокойствие, и ее "усталая улыбка" свидетельствовали о том, что Варенька была лишена сильных жизненных страстей: она даже смеяться не умела, а только "раскисала" от смеха. "Она вся духовная", - говорит Кити о Вареньке.

Рассудочность подавила в ней все нормальные человеческие чувства. Левин презрительно называет Вареньку "святошей". И действительно, вся ее "любовь" к ближним была искусственной и скрывала отсутствие в ней призвания к настоящей, земной человеческой любви. Кити, разумеется, не стала и не могла стать второй Варенькой, она была слишком предана жизни и быстро почувствовала "притворство" всех этих "добродетельных" Варенок и мадам Шталь с их "выдуманной" любовью к ближним: "Все это не то, не то!.." Она говорит Вареньке: "Я не могу иначе жить как по сердцу, а вы живете по правилам. Я вас полюбила просто, а вы, верно, только затем, чтобы спасти меня, научить меня!". Так Кити осудила мертвенность и ненатуральность Вареньки, показавшейся ей вначале идеальной. Она излечилась от своей нравственной болезни и почувствовала вновь всю прелесть настоящей жизни, не загнанной ни в какие искусственные "правила". В последующих эпизодах романа (неожиданная встреча кареты, в которой ехала Кити, встреча Кити с Левиным у Стивы, объяснение, новое предложение, венчание) писатель раскрывает всю силу душевного очарования своей героини. Глава, посвященная венчанию, проникнута глубоким сочувствием Толстого к девичьей судьбе и девичьим мечтам о счастье, которые жизнь нередко так безжалостно разбивала. Присутствовавшие в церкви женщины вспоминали свои свадьбы, грустили о том, что надежды на счастье у многих из них не оправдались. Долли подумала о себе, вспомнила Анну, которая так же девять лет назад "чистая стояла в померанцевых цветах и вуале. А теперь что?" В реплике простой женщины: "А как ни говорите, жалко нашу сестру",- выражены скорбные думы миллионов женщин, которые в условиях частнособственнического общества не могли обрести подлинного счастья. В первые же дни своей семейной жизни Кити занялась хозяйством, "весело свивая свое будущее гнездо". Левин мысленно упрекал ее в том, что "у нее нет серьезных интересов. Ни интереса к моему делу, к хозяйству, к мужикам, ни к музыке, в которой она довольно сильна, ни к чтению. Она ничего не делает и

совершенно удовлетворена". Толстой, однако защищает свою героиню от этих упреков и "осуждает" Левина, который еще не понимал, что она готовилась к важному и ответственному периоду своей жизни, когда "она будет в одно и то же время женой мужа, хозяйкой дома, будет носить, кормить и воспитывать детей". И ввиду этого предстоящего ей "страшного труда" она имела право на минуты беззаботности и счастья любви. После родов Кити - "величайшего события в жизни женщины" - Левин, едва сдерживая рыдания, стоял на коленях и целовал руку жены, он был безмерно счастлив. "Весь мир женский, получивший для него новое, неизвестное ему значение после того, как он женился, теперь в его понятиях поднялся так высоко, что он не мог воображением обнять его". Культ женщины-матери лежит в основе и образа Дарьи Александровны Облонской. Долли в молодости была столь же привлекательной и красивой, как и ее сестра Кити. Но годы замужества изменили ее до неузнаваемости. Все свои физические и душевные силы она принесла в жертву любви к мужу и детям. Измена Стивы потрясла ее до глубины души, она уже не могла любить его по-прежнему, все интересы ее жизни теперь сосредоточились на детях. Долли была "счастлива" своими детьми и "гордилась ими", здесь она видела источник своей "славы" и своего "величия". Нежность и гордость матери за своих детей, ее трогательные заботы об их здоровье, ее искренние огорчения, когда они совершали дурные проступки, - вот что определяло душевную жизнь Долли. Но однажды тихая, скромная и любящая Долли, измученная многими детьми, домашними заботами, неверностью мужа, задумалась над своей жизнью, над будущностью своих детей и на минуту позавидовала Анне и другим женщинам, которые, как ей казалось, не знали никаких мучений, а наслаждались жизнью. Она думала, что могла бы жить так же, как эти свободные от детей женщины, не зная горечи жизни; но уже признание молодаяки на постоялом дворе, сказавшей, что она рада смерти своего ребенка - "развязал бог",- показалось ей "отвратительным". А когда Анна заявила, что не желает иметь детей, Долли "с выражением гадливости на

лице" ответила ей: "Это не хорошо". Она ужаснулась безнравственности ее суждений и почувствовала свою глубокую отчужденность от Анны. Долли поняла, что жила правильно, и вся прошлая ее жизнь выступила перед ней "в новом сиянии". Так эта "очень прозаическая", по понятиям Вронского, женщина обнаружила свое нравственное превосходство над "поэтическим" миром Вронского - Анны. Такие толстовские героини, как Наташа Ростова, Марья Болконская, Долли, Кити, несут в себе много очарования, они пленяют своей подлинной женственностью, верностью супружескому долгу, они хорошие матери - и в этом положительное содержание лучших женских образов Толстого. Итак, мы видим две силы, совершенно различные и, более того, противоборствующие: грубую силу общественного мнения и внутренний нравственный закон. Именно последний олицетворен в боге и за нарушение его человека постигает неотвратимая кара, что и выражено в эпиграфе к роману: "Мне отмщение, и аз воздам". Будем ли мы понимать под "аз" человека, преступившего закон и самого себя за это наказывающего, или бога, карающего преступника, и то и другое будет верно. Дело не в том, что Анна не может быть подвержена людскому суду, поскольку люди слабы и грешны, а в том, что их суд - недостаточная и ненадежная охраняющая закон инстанция. Общественные идеалы меняются, имеют исторический характер и потому не могут руководить человеком в том, что, по убеждению Толстого, носит на себе печать вечности. Общество, изображенное в романе, враждебно духовно-нравственному началу человека, оно не осуждало, а любило прелюбодеяние. Никто в душе не осуждал ни Анну, ни Вронского и не сочувствовал Каренину. Адвокат, к которому обратился за советом о разводе Каренин, не мог скрыть радости. "Серые глаза адвоката старались не смеяться, но они прыгали от неудержимой радости, и Алексей Александрович видел, что тут была не одна радость человека, получающего выгодный заказ, - тут было торжество и восторг, был блеск, похожий на тот зловещий блеск, который он видел в глазах жены". Чувство адвоката, узнавшего о несчастье клиента, произвольно, оно исходит из самых глубин

его существа, оно настоящее. И эта радость всеобща. Каренин замечал "во всех этих знакомых с трудом скрываемую радость чего-то". Все радуются несчастью Каренина и ненавидят его за то, что он несчастлив. "Он знал, что за это, за то самое, что сердце его истерзано, они будут безжалостны к нему. Он чувствовал, что люди уничтожат его, как собаки задушат истерзанную визжащую от боли собаку". Охрана семьи, бывшей на протяжении тысячелетий истоком жизни и школой человечества, не может быть вверена преходящим государственным институтам или общественному мнению. Семья сохраняется силой более могущественной и совершенно неотвратимой - внутренней природой человека, абсолютизированной формой которой и является бог. III. Значение романа "Мысль семейная" - это не только тема "Анны Карениной", но и назидание. Назидание о том, какой должна быть семья, а так как семья связана с домом, то это и назидание о доме. Прочитаем знаменитое начало романа. В первой же фразе встретится слово "семья". Следующее существительное - "дом". Далее идут "жена" и "муж". И над этими главными действующими лицами парит отмычка эпитафии. "Мысль народная" в "Войне и мире" раскрывалась как терпение, стойкость, ненасилие. Об отмычке не может быть и речи и с точки зрения Каратаева, и с точки зрения Кутузова и Болконского. "Не думай, что горе сделали люди. Люди - орудие Его, - говорит Княжна Марья в "Войне и мире". - Мы не имеем права наказывать". По свидетельству М.С. Сухотина, сам Толстой так определял смысл эпитафии к роману "Анна Каренина": "...Я выбрал этот эпитафия... чтобы выразить ту мысль, что то дурное, что совершает человек, имеет своим последствием всё то горькое, что идёт не от людей, а от Бога, и что испытала на себе и Анна Каренина". "Война и мир" - учение о ненасилии, а роман "Анна Каренина" - художественное произведение о современности, не претендующее на всеобъемлющее учение о жизни, но учительное в одном вопросе - дома и семьи. Однако в этих двух произведениях общая мысль та, что поднявший меч навлекает несчастье прежде всего на себя. В "Войне и мире" это - Наполеон. В "Анне Карениной" - главная героиня. И меч,

который она подняла, - это её нежелание терпеть, её вызов судьбе. Свою страсть она поставила выше всего остального. За что и поплатилась. Толстой предстал в "Анне Карениной", как и в романе-эпопее, гениальным художником-реалистом. Свой творческий метод, примененный им для воссоздания в "Анне Карениной" действительности, Толстой назвал "ярким реализмом". Реализм образов, в системе которых запечатлена правда о человеке и эпохе, жизненная достоверность, подлинная психологическая глубина и разнообразие неповторимо ярких характеров, динамичность действия и острота конфликтных ситуаций, социальная насыщенность содержания, философская напряженность размышлений о современности и о жизни в целом - вот что отличает роман Толстого и делает его выдающимся явлением русского и мирового реалистического искусства. Роман "Анна Каренина", по оценке Достоевского, есть "совершенство как художественное произведение <...>, с которым ничто подобное из европейских литератур в настоящую эпоху не может сравниться". В создателе этого романа Достоевский увидел "необыкновенной высоты художника" равного которому невозможно найти в современной литературе. Исключительно важное значение в духовном обогащении и развитии самосознания русского общества и всего человечества имеют те социальные, философские и морально-этические идеи, которые с такой страстностью и художественной убедительностью проводит в своем романе Толстой: "Такие люди, как автор "Анны Карениной", - суть учителя общества, наши учителя, а мы лишь ученики их...", - писал Достоевский. "Анна Каренина" есть величайший социальный и вместе с тем семейно-психологический роман XIX века. Им зачитывались современники писателя, следившие по журнальным публикациям за все возрастающим напряжением человеческой драмы, в которую вовлечены герои. Время не стерло удивительной свежести картин прошедшей жизни, гениально нарисованных Толстым. Заключение Толстой называл «Анну Каренину» «романом широким, свободным». В основе этого определения – пушкинский термин «свободный роман». В «Анне Каренине»

нет лирических, философских или публицистических отступлений. Но между романом Пушкина и романом Толстого есть несомненная связь, которая проявляется в жанре, в сюжете и в композиции. Не фабульная завершенность положений, а «творческая концепция» определяет в «Анне Карениной» выбор материала и открывает простор для развития сюжетных линий. Жанр свободного романа возникал и развивался на основе преодоления литературных схем и условностей. На фабульной завершенности положений строился сюжет в традиционном семейном романе, например, у Диккенса. Именно от этой традиции и отказался Толстой, хотя очень любил Диккенса как писателя. «Мне невольно представлялось, — пишет Толстой, — что смерть одного лица только возбуждала интерес к другим лицам, и брак представлялся большей частью завязкой, а не развязкой интереса». Новаторство Толстого воспринималось как отклонение от нормы. Оно и было таким по существу, но служило не разрушению жанра, а расширению его законов. Бальзак в «Письмах о литературе» очень точно определил характерные особенности традиционного романа: «Как бы ни было велико количество аксессуаров и множество образов, современный романист должен, как Вальтер Скотт, Гомер этого жанра, сгруппировать их согласно их значению, подчинить их солнцу своей системы — интриге или герою — и вести их, как сверкающее созвездие, в определенном порядке». Но в «Анне Карениной», так же как в «Войне и мире», Толстой не мог положить своим героям «известные границы». И его роман продолжался после женитьбы Левина и даже после гибели Анны. Солнцем толстовской романической системы является, таким образом, не герой или интрига, а «мысль народная» или «мысль семейная», которая и ведет множество его образов, «как сверкающее созвездие, в определенном порядке». Послереформенная эпоха отразилась больше в эмоциях героев романа, чем в их сознании. Толстой во всей сложности, полноте и художественной правде воссоздал насыщенную грозowymi зарядами общественную, нравственную и семейно-бытовую атмосферу, которая, то явно и прямо, то чаще всего опосредованно и скрыто,

сказывается на душевном состоянии его героев, их субъективном мире, психике и складе мыслей, на общем моральном облике людей. Отсюда интенсивность переживаний и напряженность человеческих страстей, которыми живут наиболее значительные герои "Анны Карениной", их острая реакция - положительная или отрицательная - на происходящее в жизни, запутанность их отношений. Толстой был встревожен ненормальным положением, при котором из-за нищеты и повсеместной неграмотности в русском народе гибнут несомненно талантливые люди! Их надо как можно скорее спасти, всячески помогать им проявить свои природные способности. Этими мыслями и настроениями, не дававшими писателю ни дня покоя, было пронизано самое большое его художественное произведение 70-х годов — роман "Анна Каренина". "Анна Каренина" есть величайший социальный и вместе с тем семейно-психологический роман XIX века. Им зачитывались современники писателя, следившие по журнальным публикациям за все возрастающим напряжением человеческой драмы, в которую вовлечены герои. Время не стерло удивительной свежести картин прошедшей жизни, гениально нарисованных Толстым. Таким образом, задачи и цели, которые стояли перед нами в начале работы, были достигнуты и реализованы.

Глава II. Психология семейных конфликтов и природа «несчастливых семей» в романе Л.Н. Толстого

2.1. Критики о романе Л.Н.Толстого «Анна Каренина»

Роман “Анна Каренина” начал печататься в журнале “Русский вестник” с января 1875 года и сразу вызвал в обществе и русской критике бурю споров, противоположных мнений и отзывов от благоговейного восхищения до разочарования, недовольства и даже возмущения.

“Всякая глава “Анны Каренины” подымала все общество на дыбы, и не было конца толкам, восторгам и пересудам, как будто дело шло о вопросе, каждому лично близком”, - писала двоюродная тетка Льва Толстого фрейлина Александра Андреевна Толстая.

“Роман ваш занимает всех и читается невообразимо. Успех действительно невероятный, сумасшедший. Так читали Пушкина и Гоголя, набрасываясь на каждую их страницу и пренебрегая все, что писано другими”, - сообщал Толстому его друг и редактор Н. Н. Страхов после выхода из печати 6-ой части “Анны Каренины”¹.

Книжки “Русского вестника” с очередными главами “Анны Каренины” добывались в библиотеках чуть ли не с боям.

Даже известным писателям и критикам достать книжки, журналы было не просто.

“От воскресения до сегодня наслаждался чтением “Анны Карениной”, - пишет Толстому друг его молодости, прославленный герой севастопольской кампании С. С. Урусов.

“А “Анна Каренина” – блаженство. Я плачу – я обыкновенно никогда не плачу, но тут не могу выдержать!” - эти слова принадлежат известному переводчику и издателю Н. В. Гербелю.

Об огромном успехе романа среди широких кругов читателей рассказывают не только друзья и почитатели Толстого, но и те литераторы демократического лагеря, которые не приняли и резко критиковала роман.

¹ Добин Е.С. Герой. Сюжет. Деталь.- М.-Л., Просвещение. 1962. С.134.

“Анна Каренина” имела большой успех в публике. Ее все читали и зачитывались ею – писал непримиримый враг нового романа критик-демократ М. А. Антонович.

“Русское общество прочитало со страстной жадностью, что называется взасос роман “Анна Каренину”, - подытоживал свои впечатления историк и общественный деятель А. С. Пругавин.

Важнейшая отличительная черта подлинного искусства, любил повторять Лев Толстой, его способность “заражать чувствами” других людей, заставляя их “смеяться и плакать, любить жизнь. Если бы “Анна Каренина” не обладала этой магической силой, если бы автор не умел потрясти души рядовых читателей, заставить сопереживать его героя, не было бы и пути романа в грядущие столетия, не было бы и вечно живого интереса к нему читателей и критиков всех стран мира. Вот почему так дороги эти первые наивные отзывы.

Постепенно отзывы становятся подробнее. В них больше раздумий, наблюдений.

С самого начала глубиной и тонкостью отличились оценки романа поэтом и другом писателя А. А. Фетом. Уже в марте 1876 года более чем за год до завершения “Анны Карениной” он писал автору: “А небось чувят они все, что этот роман есть строгий неподкупный суд всему нашему строю жизни. От мужика и до говядины-принца!”

А. А. Фет верно почувствовал новаторство Толстого-реалиста. “Но какая художническая дерзость – в описаниях родов, - заметил он автору в апреле 1877 года, – ведь этого никто от сотворения мира не делал и не сделает.

“Психолог Троицкий говорил, что по вашему роману проверяют психологические законы. Даже передовые педагоги находят, что в изображении Сережи заключаются важные указания для теории воспитания и обучения”, - сообщал автору Н. Н. Страхов.

Роман еще не был опубликован полностью, когда герои его шагнули из книги в жизнь. Современники то и дело вспоминали Анну и Кити, Стиву и Левина, как своих давних знакомых, обращались к героям Толстого, чтобы ярче обрисовать реальных людей, объяснить и передать собственные переживания.

Для многих читателей Анна Аркадьевна Каренина стала воплощением женской прелести и обаяния. Неудивительно, что, желая подчеркнуть привлекательность той или иной женщины, ее сравнивали с героиней Толстого.

Многие дамы, не смущаясь судьбой героиней, страстно желали на нее походить.

Первые главы романа привели в восхищение А. А. Фета, Н. Н. Страхова, Н. С. Лескова – и разочаровали И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, В. В. Стасова, вызвали осуждение М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Взгляд на “Анну Каренину” как на роман пустой и бессодержательный разделяло часть молодых, прогрессивно настроенных читателей. Когда в марте 1876 года в газете “Новое время” ее редактор А. С. Суворин опубликовал положительную рецензию на роман, он получил сердитое письмо от гимназистов-восьмиклассников, возмущенных снисходительностью либерального журналиста к “пустому бессодержательному” роману Толстого.

Взрыв негодования вызвал новый роман у литератора и цензора николаевских времен А. В. Никитенко. По его мнению, главный порок “Анны Каренины” - “преимущественного изображения отрицательных сторон жизни”. В письме к П. А. Вяземскому старый цензор обвинял Толстого в том, в чем реакционная критика всегда обвиняла великих русских писателей: в огульном очернительстве, отсутствии идеалов, “смакования грязного и прошлого”. Читатели и критики атаковали автора вопросами, просили подтвердить верность своего, чаще всего крайне узкого, ограниченного понимания романа.

Читатели романа сразу разделились на две “партии” – “защитников” и “судей” Анны. Сторонники женской эмансипации ни минуты не сомневались в правоте Анны и были не довольны трагическим концом романа. “Толстой очень жестоко поступил с Анной, заставив ее умереть под вагоном, не могла же она всю жизнь сидеть с этой кислятиной Алексеем Александровичем”, - говорили некоторые девушки-курсистки.

Ретивые поборники “свободы чувства” считали уход Анны от мужа и сына делом столь простым и легким, что прямо-таки недоумевали: почему мучается Анна, что ее гнетет? Читатели близки к лагерю революционеров-народников. Упрекали Анна не за то, что она ушла от ненавистного мужа, разрушив “паутину лжи и обмана” (в этом она безусловно права), а за то, что она целиком поглощена борьбой за личное счастье в то время как лучшие русские женщины (Вера Фигнер, Софья Перовская, Анна Корвин-Круковская и сотни других) полностью отrekliсь от личного во имя борьбы за счастья народа!

Один из теоретиков народничества П. Н. Ткачев, выступивший на страницах «Дела» против «благоглупостей» Скабичевского, в свою очередь увидел в «Анне Карениной» образец «салонного художества», «новейшую эпопею барских амуров». По его мнению, роман отличался «скандальной пустотой содержания».

Этих и им подобных критиков имел в виду Толстой, когда в одном из писем не без иронии писал: «Если близорукие критики думают, что я хотел описывать только то, что мне нравится, как обедает Болконский и какие плечи у Карениной, то они ошибаются».

М. Антонович расценил «Анну Каренину» как образец «бестенденциозности и квиетизма». Н. А. Некрасов, не восприняв обличительного пафоса романа, направленного против высшего света, высмеял «Анну Каренину» в эпиграмме: Толстой, ты доказал с терпением и талантом, Что женщине не следует «гулять» Ни с камер-юнкером, ни с флигель-адъютантом, Когда она жена и мать.

Причину такого холодного приема романа демократами раскрыл М. Е. Салтыков-Щедрин, который в письме к Анненкову указал на то, что «консервативная партия торжествует» и делает из романа Толстого «политическое знамя». Опасения Щедрина подтвердились полностью. Реакция действительно пыталась использовать роман Толстого как свое «политическое знамя».

Примером реакционно-националистического истолкования «Анны Карениной» явились статьи Ф. Достоевского в «Дневнике писателя» за 1877 год. Достоевский рассматривал роман Толстого в духе реакционной «почвеннической» идеологии. Он вытаскивал на свет свои изуверские «теориейки» о вечной прирожденности греха, о «таинственной и роковой неизбежности зла», от которых якобы невозможно избавить человека. Ни при каком устройстве общества нельзя избежать зла, ненормальность и грех якобы присущи самой природе человека, которую неспособны переделать никакие «лекаря-социалисты». Совершенно ясно, что Толстому чужды были эти, навязываемые ему Достоевским, реакционные идеи. Талант Толстого был светлым и жизнеутверждающим, все его произведения, в частности и этот роман, проникнуты любовью к человеку. Этим Толстой и противостоял Достоевскому, постоянно клеветавшему на него. Вот почему статьи Достоевского об «Анне Карениной» представляют собой грубое извращение идейной сущности великого произведения.

В этом же направлении шел и М. Громека, в этюде которого об «Анне Карениной» совершенно отсутствуют указания на социальную и историческую обусловленность идейной проблематики романа. Громека — махровый идеалист. Он в сущности повторял злобные выпады Достоевского против человека, писал о «глубине зла в человеческой природе», о том, что «тысячелетия» не искоренили в человеке «зверя». Критик не раскрывал социальных причин трагедии Анны, а говорил лишь о ее биологических стимулах. Он полагал, что все трое — Анна, Каренин и Вронский — поставили себя «в жизненно ложное положение», поэтому проклятие

преследовало их везде. Значит, участники этого рокового «треугольника» сами виноваты в своих несчастьях, а условия жизни были ни при чем. Критик не верил в силу человеческого разума, утверждая, что «тайны жизни» никогда не будут познаны и разъяснены. Он ратовал за непосредственное чувство, ведущее прямым путем к религиозному мировоззрению и христианству. Громека рассматривал «Анну Каренину» и важнейшие вопросы мировоззрения Толстого в религиозно-мистическом плане.

«Анна Каренина» не получила достойной оценки в критике 70-х годов; идейно-образная система романа осталась не раскрытой, так же как и его удивительная художественная сила.

«Анна Каренина» не только изумительный по своему художественному величию памятник русской литературы и культуры, но и живое явление современности. Роман Толстого до сих пор воспринимается как острое, злободневное произведение.

Толстой выступает в роли сурового обличителя всех гнусностей буржуазного общества, всей аморальности и растленности его идеологии и «культуры», ибо то, что он заклеил в своем романе, было свойственно не только старой России, но и любому частнособственническому обществу вообще, а современной Америке в особенности.

Не случайно американская реакция кощунственно глумится над величайшим созданием Толстого и печатает «Анну Каренину» в грубо сокращенном виде, как обычный адюльтерный роман (изд. Герберта М. Александер, 1948). Угождая вкусам бизнесменов, американские издатели лишили роман Толстого его «души», изъяли из него целые главы, посвященные социальным проблемам, и из «Анны Карениной» состряпали некое произведенье с типично мещанской темой «любви втроем», чудовищно исказив весь идейный смысл романа. Это характеризует и состояние культуры современной Америки и в то же время свидетельствует о боязни обличительного пафоса Толстого.

Роман Толстого заставил многих женщин задуматься над собственной судьбой. В начале 80-х годов “Анна Каренина” пересекла границы России. Раньше всего, в 1881 году роман был переведен на чешский язык в 1885 году, он вышел в переводе на немецкий и французский. В 1886-1887 годах - на английский, итальянский, испанский, датский и голландский языки.

В эти годы в европейских странах резко возрос интерес к России – стране быстро развивающейся, с бурно растущим революционным движением, большой до сих пор мало известной литературой. Стремясь удовлетворить этот интерес, издательства разных стран со стремительно быстротой, как бы соревнуясь друг с другом, стали издавать произведения крупнейших русских писателей: Тургенева, Толстого, Достоевского, Гоголя, Гончарова и других.

“Анна Каренина” была одной из главных книг, покоривших Европу. Переведенный на европейские языки в середине 80-х годов, роман издается вновь и вновь, выходит как в прежних, так и в новых переводах. Только один первый перевод романа на французский с 1885 года по 1911 год был переиздан 12 раз. Одновременно в эти же годы появились еще 5 новых переводов “Анны Каренины”¹.

Уже в годы печатанья “Анны Каренины” на страницах журнала русские ученые разных специальностей отметили научную ценность многих наблюдений писателя.

Успех “Анны Карениной” в широких кругах читателей был огромным. Но в то же время многие прогрессивные писатели, критики и читатели были разочарованы первыми частями романа.

Роман Толстого не встретил, однако, понимания и в демократических кругах.

¹ Плохотишина В.Г. Мастерство Л.Н.Толстого- романиста.- Днепропетровск: Книжное изд-во,2000

2.2. «Анна Каренина»: борьба любви и нравственности с трагическим исходом

Любовные романы наиболее соответствуют самому названию этого жанра и всегда читались с увлечением. «Манон Леско» аббата (!) Прево, «Опасные связи» Шодерло де Лакло, «Красное и черное» Стендаля, «Госпожа Бовари» Флобера, «Дворянское гнездо» Тургенева, даже давшая в музыке несравнимо более выразительную «Травиату» «Дама с камелиями» Дюма-сына – и поныне самые читаемые книги, они бесконечно издаются, переводятся, на их основе рождаются пьесы, оперы, кинофильмы. И самый знаменитый любовный роман написан великим русским писателем, имевшим репутацию сурового моралиста и даже беспощадного судии земной, плотской любви. Однако никакая нравоучительная, насквозь тенденциозная «Крейцера соната», созданная на склоне лет бурно проведенным молодость дворянином, помещиком и офицером, не зачеркнет и не отменит в мировой литературе «Анну Каренину».

Еще проницательный критик Д.И. Писарев заметил, что сюжет у Толстого в первую очередь служит всепроникающему психологическому анализу, «диалектике души»: «Подробности и частности сосредоточивают в себе здесь весь художественный интерес... Здесь нет развития характеров, нет действия, а есть только изображение некоторых моментов внутренней жизни души, есть анализ». Критику принадлежит точная и проницательная характеристика «диалектики души» Толстого: «Никто далее его не простирает анализа, никто так глубоко не заглядывает в душу человека, никто с таким упорным вниманием, с такою неумолимою последовательностью не разбирает самых сокровенных побуждений, самых мимолетных и, по-видимому, случайных движений души. Как развивается и постепенно формируется в уме человека мысль, через какие видоизменения она проходит, как накапливается в груди чувство, как играет воображение, увлекающее человека из мира действительности в мир фантазии, как, в самом разгаре мечтаний, грубо и материально напоминает о себе действительность

и какое первое впечатление производит на человека это грубое столкновение между двумя разнородными мирами - вот мотивы, которые с особенной любовью и с блестящим успехом разрабатывает Толстой... Везде мы встретим или тонкий анализ взаимных отношений между действующими лицами, или отвлеченный психологический трактат, сохраняющий в своей отвлеченности свежую, полную жизненность, или, наконец, прослеживание самых таинственных, неясных движений души, не достигших сознания, не вполне понятных даже для того человека, который сам их испытывает, и между тем получающих свое выражение в слове и не лишающихся при этом своей таинственности». Критик так и не дочитал «Войну и мир», не дожидая появления «Анны Карениной», но само явление он понял и описал хорошо.

Конечно, взгляд Писарева на толстовскую «диалектику души» - это взгляд со стороны, принадлежащий молодому человеку иных убеждений и психологии. Но именно это дает ему определенные преимущества, свободу анализа и суждений, которой мы иногда лишены сегодня. Критик проницательно замечает, что прозаик свой утонченный психологизм как бы навязывает читателю, превращает его в метод чтения своих произведений, то есть заставляет чуткого читателя вглядываться в сложные движения текучей человеческой души и задуматься о своем мире чувств: «Читая Толстого, необходимо вглядываться в частности, останавливаться на отдельных подробностях, проверять эти подробности собственными пережитыми чувствами и впечатлениями, необходимо вдумываться, и только тогда чтение это может обогатить запас мыслей, сообщить читателю знание человеческой природы и доставить ему, таким образом, полное, плодотворное эстетическое наслаждение».

Толстой показывает любовные отношения своих персонажей не как внешние события романной фабулы, а как их внутренние состояния, осознаваемые ими и читателем постепенно, шаг за шагом, выявляющиеся через неожиданные характерные детали. Это и есть знаменитая «диалектика души», тончайшее кружево психологического анализа, показывающие в

правдивых чертах и деталях рождение, развитие и подлинный смысл чувства, за которым следуют мысли и поступки. Благодаря этому художественное время романа и время читателя совпадают.

Для этого Толстой использует новаторский прием изображения потока сознания героев (знаменитая сцена потока лихорадочного сознания Анны, отправляющейся на вокзал, чтобы покончить с собой) и замедляет их движения (видение Кити Левину на катке). Ожидающая (тщетно) признания Вронского Кити на балу живет в мечтательном упоении своим грядущим счастьем как во сне: «Весь бал до последней кадрили был для Кити волшебным сновидением радостных цветов, звуков и движений». А явление Анны в салоне княгини Бетси Тверской влюбленному Вронскому похоже на сцену из кинофильма, хотя кино еще не появилось.

Мы уже в знаменитой сцене возвращения Анны из Москвы в поезде видим, как медленно охватывает ее пробуждающееся чувство любви к Вронскому, «волшебное напряженное состояние». И эти чувства становятся живыми, текучими, движутся, Анна вдруг ощущает радость, нервы ее напрягаются: «Она чувствовала, что глаза ее раскрываются больше и больше, что пальцы на руках и ногах неравно движутся, что в груди что-то давит дыхание и что все образы и звуки в этом колеблющемся полумраке с необычайною яркостью поражают ее». Вокруг остановившегося поезда бушует снежная буря, и это буря страстей: «И она отворила дверь».

Анна вдруг понимает, что этот случайный разговор в поезде ее «страшно сблизил» с малознакомым молодым красивым мужчиной, которого она, светская замужняя дама, в мыслях снисходительно называет «офицером-мальчиком». И почтительно, но настойчиво заговоривший с ней о любви Вронский ощущает то же: «Он чувствовал, что все его доселе распущенные, разбросанные силы были собраны в одно и с страшною энергией были направлены к одной блаженной цели». Они оба, меняясь, идут навстречу своему растущему чувству, своему счастливому и трагическому роману, хотя и боятся его властной силы и смутно ощущают знак беды, грядущей

опасности. В нарастающей мелодии их бурной страсти сразу возникает нота смерти. Гибель рабочего на вокзале неожиданно сближает их и в то же время становится дурным предзнаменованием, Анна слышит и запоминает чьи-то слова о легкой, мгновенной смерти под колесами поезда.

Так все начинается, все предопределено. И все непросто, непрерывно меняется. Поздний неожиданный и странный приход Вронского к Облонским Кити и Анна понимают по-разному. Влюбленной наивной девушке кажется, что будущий жених явился туда ради нее. Однако он пришел ради Анны, так дал ей понять силу своего чувства и желание добиваться ее ответной любви. Та понимает это, но «странное чувство удовольствия и вместе страха чего-то вдруг шевельнулось у нее в сердце». Любовь всесильна и опасна, она преображает этих очень разных людей и их судьбы, наполняет новым смыслом их жизнь, делает их лучше, создает, разрушает и сохраняет их семьи, заставляет по-новому взглянуть на давно знакомых и близких (Анна, выйдя из поезда вместе с Вронским, вдруг видит очень большие уши мужа, на которого уже смотрит со стороны, как на чужого человека). Облонские, Вронский, Каренины и Левины по-разному понимают и выражают «мысль семейную», движущую роман Толстого.

Но все они в переплетении разных, но таких обычных судеб выражают те или иные философские мысли и нравственные принципы Толстого, а писатель видел в любви категорию морали, причем не общественной (лицемерную мораль высшего общества он заклеил в романе как ложную, жестокую и фарисейскую), а религиозной, хотя и знал, что эта вечная «категория» возникла задолго до всякого общества и всякой религии и морали. Она для Толстого прежде всего категория нравственная. А за такой постановкой вопроса в романе неизбежно следовала характерная для позднего Толстого критика официальной православной церкви, современного искусства и философии (кабинетный мыслитель Кознышев, в котором есть черты В.С. Соловьева и Б.Н. Чичерина), новой музыки.

Затронут здесь и знаменитый «женский вопрос», головные, отвлеченные идеи интеллигенции (превращенный в очередную моду славянский вопрос), политический и экономический упадок и вырождение дворянства, разорение и продажа с молотка поместий, показан общий кризис русской семьи в высшем обществе, дворянстве и интеллигенции, о чем уже говорилось в «Войне и мире». Но в «Анне Карениной» автор гораздо меньше говорит от себя, здесь уже нет знаменитых философских и исторических отступлений.

У Толстого все образы выявляют его *нравственную* позицию. В начале романа поблекшая, измученная, страдающая Долли говорит о счастье и здоровье молодой красавицы Анны почти с завистью, однако это «почти» свидетельствует о ее верном женском понимании фальши и лживости брака Карениных и смутном сомнении в безоблачности этого показного счастья. А обаятельный и неглупый эгоист Стива Облонский подумал обо всем и забыл только то одно, что хотел забыть: оскорбленную плачущую беременную жену, которая в соседней комнате мечется в сомнениях и ждет его объяснений и раскаяния в очередной легкомысленной измене. Из таких точных психологических деталей рождается нравственная оценка героев и их мыслей и поступков.

С самого начала в «Анне Карениной» мы видим два пути, две любовные истории с очень разными итогами. В романе вначале противопоставлены два мужчины, два соперника, ищущие любви милой и неопытной княжны Кити Щербацкой: застенчивый и неуклюжий помещик-провинциал Константин Левин (его главная идея: «Мне, главное, надо чувствовать, что я не виноват») и уверенный в себе петербургский аристократ, гвардеец и богач граф Алексей Вронский. Потом образуются две пары главных персонажей - Анна и Вронский, Левин и Кити, и вокруг них, их очень разных любви и судеб строится нравственный роман Толстого о любви.

Левин, рано потерявший родителей, хочет семейного счастья, душевного покоя, любви, детей, но считает себя недостойным девушки и слишком ее идеализирует. Он неловок, иногда бестактен, вечно колеблется и вдруг в сомнениях уезжает на два месяца в свою деревню. Отсюда его несвоевременное (в его отсутствие появился и многого добился в своих ухаживаниях его решительный, опытный в любовных делах соперник Вронский) и потому неудачное предложение, заставившее, тем не менее, Кити задуматься и понять свое подлинное отношение к этому робеющему перед ней зрелому мужчине. Она ощущает счастье и восторг, вдруг по-женски жалеет его до слез, даже в своем девичьем затмении видит, как сильно в честном и прямодушном Левине нравственное чувство, уважение к другому человеку, к женщине, желание вместе добиваться смысла добра, а на этом и строится настоящая семья.

Щербацкие – дружная, хотя и немного безалаберная московская семья и этим напоминают Ростовых из «Войны и мира». А в непосредственной жизнерадостной Кити много от Наташи Ростовой, она как бы повторяет ее знаменитую одновременную любовь к блестящему умнику князю Андрею Болконскому и глуповатому красавцу Анатолию Курагину (из их разных черт сложился образ Вронского) и чувство к неловкому правдоискателю графу Пьеру Безухову (его наследник в романе – Левин).

Важна чисто толстовская деталь: восторженный Левин обожает именно эту большую семью, ее добрую, душевную атмосферу, влюблен во всех очаровательных сестер, в это милое женское царство. И желание найти счастье и любовь в семье объединяет Левина и Кити, они чувствуют здесь свое духовное родство (ибо муж и жена должны быть сделаны из одного теста, как верно сказано в другом знаменитом любовном романе – «Унесенных ветром» американки Маргарет Митчелл) и после мучительного для обоих разрыва и болезни Кити медленно идут навстречу друг другу. Толстой показывает здесь, как трудна работа любви и шатко, полно неожиданных препятствий и меняющихся все случайностей движение человека

к семейному счастью. Левин борется за свое счастье и после всех сомнений и разочарований обретает его в браке с усвоившей суровые уроки жизни Кити: «Я бился с собой и вижу, что без этого нет жизни. И надо решить...» И потом это повторяется и в знаменитой сцене родов Кити, и в его борьбе с ветром, когда жена и маленький сын оказались в лесу в грозу и бурю.

Вронский же самоуверен («Он смотрел на людей, как на вещи») и в глубине души честолюбив, не ощущает необходимости в семейной жизни, не любит и не уважает свою мать, занят только делами полка, обществом веселых повес-приятелей и доступных женщин, военной карьерой, породистыми лошадьми; по вольным до безнравственности правилам его холостого великосветского кружка и гвардейской среды вполне можно увлечь девушку из хорошей семьи и не жениться на ней. Его веселый офицерский цинизм делает наивную Кити несчастной, она следует неумным советам тщеславной матери и обманчивому голосу девичьего самолюбия (Вронский один из лучших женихов в России) и совершает ошибку, которую жизнь потом долго и трудно исправляет. Замечательна сцена бала, начинающегося счастьем и торжеством «розовой» (имеется в виду цвет ее тюлевого платья) Кити и завершающегося полным «бесовским» торжеством Анны, надевшей великолепное черное платье: «Было что-то ужасное и жестокое в ее прелести». Но не только внезапная измена Вронского поражает Кити, она «раздавлена» (точное выражение Толстого) отчаянием и раскаянием, одной мыслью: «Она вчера отказала человеку, которого она, может быть, любила, и отказала потому, что верила в другого»¹. Ее увозят лечиться от несуществующей болезни на не нужные ей европейские воды (сравните это с болезнью и лечением Наташи Ростовской). Сестра Долли помогает ей справиться с душевными муками, «нравственно засучив рукава» (замечательное выражение моралиста Толстого).

Но здесь же, в душевной нечуткости, гордыне и ограниченности

¹ Бабаев Э.Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи.- М.: Изд-во МГУ, 1978.

аристократа Вронского, кроется и будущая трагедия «незаконной» любви Анны Карениной, молодой красивой женщины, полной жизни, жажды любви и семейного счастья, которыми она была обделена в отдающем фальшью (это заметила чуткая Долли), неравном браке с немолодым, душевно сухощавым государственным «человеком в футляре». Ее новый избранник, тоже Алексей, оказывается таким же формалистом; графу для беззаботной жизни достаточно соблюдать неписанные простые правила полковой жизни и весьма лицемерные и необременительные законы высшего общества, он не может понять сложные метания и трагедию Анны, ее постоянные упреки и слезы его только раздражают, кажутся обычным женским приемом, посягательством на его мужскую независимость.

Вронский стреляется не из-за любви, а из гордости, от чувства уязвленного самолюбия, когда ее презираемый им муж, трусливый штатский, вдруг становится выше и лучше его. Его лучший друг, ротмистр Яшвин, игрок и кутила «с безнравственными правилами» и твердым характером, слишком напоминает гвардейского озорника и дуэлянта Долохова из «Войны и мира». О каких-то нравственных исканиях, семье, романтической любви, о движении вместе к просветляющей правде здесь нет и речи, Толстой подчеркивает во Вронском плотское, физическое начало, показывая его энергично моющим свою красную здоровую шею. Важна его фраза о любви Вронского к Анне и к своим лошадям: «Две страсти эти не мешали одна другой». Иногда кажется, что Вронский более тяжело пережил падение на скачках и смерть любимой кобылы Фру-Фру, нежели самоубийство Анны, в котором он также был повинен. Он всегда забывал то, что хотел забыть, - маленького Сережу, страдающего от двусмысленности и разлуки с матерью сына Анны.

Вронский благородно губит ради Анны свою придворную и военную карьеру и уходит из любимого полка, но не может ее понять, нравственно поддержать в ее страданиях, непрерывных сомнениях, тоске по оставшемуся с отцом сыну Сереже (отметим характерную толстовскую психологическую

деталь: свою маленькую дочь от Вронского Анна не любит, перенося на нее свое постоянное недовольство ее нечутким отцом); этому красивому и богатому, но не очень умному гвардейскому офицеру доступна лишь чувственная сторона любви и закрыт ее высокий нравственный смысл. Есть богатство, какая-то театральная демонстрация счастья, полное материальное довольство, дворцы и богатые имения Вронского, показное строительство роскошных и ненужных (об этом вполне в духе Толстого говорит Левин) больницы и школы, но нет семьи, дома, согласия, взаимного уважения и доверия, ибо не соблюден нравственный закон и не понят объединяющий людей смысл добра, духовный смысл любви. «Счастливая» Анна перед сном постоянно принимает морфий, ее настойчивая, почти истерическая любовь и беспричинная ревность тяготят Вронского, привыкшего к полной свободе богатого и знатного холостяка.

Чувственной, несемейной, бездуховной остается эта любовь и для Анны, и не случайно же она – сестра не очень нравственного, ищущего развлечений за пределами семьи Стивы Облонского и обижаемая ее сравнением с братом. В.В. Набоков заметил: «Союз Анны и Вронского основан лишь на физической любви и потому обречен». Вот почему Толстой считает эту любовь «незаконной» и осуждает ее, но эти важные причины авторского осуждения иные, чем у лицемерного светского общества.

Есть высший суд совести и нравственности. Счастье без семьи и совместного пути к добру невозможно. Отчаяние нарастает. Анна в самое роковое мгновение их жизни остается одна и идет навстречу гибели, ею овладевает «дух зла и обмана». И все же любовь зажигала в ее душе «чувство оживления» (то есть женщина как бы медленно оживала в увлекательном «романе» после безжизненного брака с человеком-машиной и многолетней лжи в семье) и составляла «весь интерес ее жизни». Вронский при их встрече в салоне Бетси Тверской поражен «новой, духовной красотой» Анны, она сияла «улыбкой счастья». И Толстому очень трудно осудить эту любовь, гениальное изображение которой сделало его роман знаменитым. Но все же

он сравнивает страсть Анны со «страшным блеском пожара среди темной ночи». Чехов удивлялся художественной смелости Толстого: «Вы только подумайте, ведь это он, он написал, что Анна сама чувствовала, видела, как у нее блестят глаза в темноте!.. Серьезно, я его боюсь». Этот любовный пожар страстей разрушает и испепеляет все и ведет героиню романа к неизбежной нравственной и физической гибели.

Есть в «Анне Карениной» и любимая толстовская идея «опрощения», возникшая еще в «Казаках» и «Войне и мире», когда уставший ото лжи и сложных нравственных исканий «вечно растерянный» (К.Н. Леонтьев) богач Пьер Безухов, этот прообраз Левина, попадает во французский плен и встречается с «круглым» народным мудрецом Платоном Каратаевым. Замечательны картины снежной бури, пробуждающейся весенней природы, земледельческого труда и охоты, выявляющие душевные состояния человека и его связь с живой жизнью, где думают и охотничьи собаки. Однако писатель понимает, что подлинное опрощение не придет к культурному барину Левину с одной косьбой вместе с мужиками, воздержанием ото лжи и вредных дворянских привычек и следованием простым народным обычаям и здоровым, но примитивным нравам. Помещик Толстой с надеждой смотрит на связанное с природой и почвой крестьянство, где еще живут здоровые трудовые и семейные отношения, создает замечательный образ песни веселых баб как надвигающейся на Левина тучи, но не идеализирует простой народ (см. его драму «Власть тьмы»), видит все его «родимые пятна», неграмотность, лукавство, пьянство, тяжелую недоброжелательность, обломовщину.

Очень интересна постоянная безнадежная борьба крепкого хозяина Левина с нерадивыми крестьянами, упорно не желающими трудиться прилежно и правильно и делающими все, как им легко и удобно. Здесь Толстой со своей стороны показывает обломовщину как явление реальной жизни и черту русского национального характера. А жестким, беспощадным в достижении своей материальной пользы купцом-кулаком Рябининым,

обманом дешево купившим у безалаберного транжиры Стивы Облонского принадлежавший его жене лес (любимая «сквозная» тема Островского), автор «Анны Карениной» показал всю реальную силу «темного царства», невольно заставляющую усомниться в существовании царства светлого. Не случайно окончивший университет дворянин и помещик Левин отказывается от своих наивных мечтаний опроститься, трудиться с мужиками в поле и жениться на крестьянке и находит свое счастье в дворянском благоустроенном гнезде с милой и образованной княжной Кити Щербацкой, которая на заграничных водах поднимает целый бунт против светского притворства и религиозного фарисейства и говорит хитрой сухощавой ханже Вареньке: «Я не могу иначе жить, как по сердцу, а вы живете по правилам». Важен и суровый ответ Левина похожему на Вареньку (на которой он чуть было не женился) своей сугубой книжной умственностью и «недостатком силы жизни», абстрактно понимающему слово «народ» брату-профессору, кабинетному мыслителю-схоласту: «Я сам народ и не чувствую этого». И мы видим, что этот любовный роман еще и социальный.

В романе Анна страдает и погибает от нарастающего чувства вины и жизненного тупика потому, что «незаконная» любовь ее к Вронскому греховна. Но кто, какой суд может вынести ей, ее искреннему чувству столь жестокий приговор? Здесь суровый моралист Толстой недалеко ушел от высшего общества, ибо он судит любовь и женщину, для которой это чувство является главным смыслом жизни. Анна бывает у него неискренней (тогда она щурится), злой и даже смело играет своей греховной красотой и женской силой, откровенно завлекая женатого Левина, чтобы как-то отомстить Кити за прежний ее роман с Вронским. Толстой видит ее очень женскую черту: Анна ненавидит мужа «за ту страшную вину, которой она была пред ним виновата», а в то же время хочет, чтобы тот оставался при ней рядом с любовником. Мудрый терпимый Чехов позднее повторил любовную ситуацию «Анны Карениной» в повести «Дуэль» и сказал другое: нормальная женщина никак не может страдать от искренней сильной любви и, тем более,

не считает ее и себя греховной, она страдает из-за своего ложного положения в семье и обществе и нечуткости, неуважения к ней любимого мужчины. Семейное счастье основано на взаимном понимании, уважении, чувстве ответственности, к тому же оно не может целиком заполнить жизнь мужчины, да и женщины тоже.

Роман «Анна Каренина» продолжил многие важные мысли и темы «Войны и мира», это тоже панорамная книга о русском обществе в новое пореформенное время, об общем кризисе всех ценностей, охватившем все его классы и сословия – от правительства, петербургского высшего света, московского и провинциального дворянства до простого люда, крестьян. Гончаров писал об авторе «Анны Карениной»: «Он накидывает, - как птицелов сеть, огромную рамку на людскую толпу, от верхнего слоя до нижнего, и ничто, из того, что попадает в эту рамку, не ускользает от его взгляда, анализа и кисти... Жизнь – как она есть – пишется автором с беспощадной верностью, с ее светом и тенями, с яркими и бесцветными сторонами». Но везде здесь основа – семья, связующая ее любовь. Толстой снова показывает это растущее социальное и идейное разобщение на всех уровнях русского изменившегося общества, нравственное и экономическое неблагополучие через «мысль семейную», начиная свой роман со знаменитой фразы: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему».

Философские, моральные искания характеризуют Константина Левина как образ автобиографический, но его чисто толстовская идея опрощения и поисков патриархальной цельности и правды в семейном счастье и крестьянском труде показывает, что автор романа глубоко разочаровался во всех моральных и культурных ценностях дворянского общества и догматах и принципах официальной православной церкви. И сатирическая сцена дворянских выборов, и бездушная лживость и фарисейство прогневшего «высшего света», и дворянский клуб как скопище праздных болтунов, и насмешка над головным увлечением интеллигенции модным «славянским

вопросом» и спиритизмом показывают неверие Толстого в старые формы, силы и идеи уходящей дворянской России.

Однако реальная жизнь, сама трагедия и гибель поставленной лживым и несправедливым обществом в ложное положение Анны вдруг открывают всем этим ошибающимся, несовершенным, грешным людям самих себя и окружающих людей с их столь же законными чувствами и интересами, брезжащую в «прекрасном далеке» высшую нравственную цель их общего бытия, «закон добра». Даже насквозь формальный, душевно сухощавый, боящийся реальной жизни «государственный человек» (жена верно называет его машиной) Алексей Александрович Каренин вдруг становится просто живым человеком, по-христиански прощает виновную жену, трогательно ухаживает за ее маленькой «незаконной» дочерью. Сохраняется вечно распадающаяся семья измученной бытовыми хлопотами и изменами мужа Долли и симпатичного шалопаю Стивы Облонского, находит, наконец, свое простое и трудное семейное счастье и душевный покой вечно во всем сомневающийся Левин. «В самом центре этой мелкой и наглой жизни появилась великая вековечная жизненная правда, и разом все озарила... Все простили и оправдали друг друга. Сословность и исключительность вдруг исчезли и стали немислимы, и эти люди из бумажки стали похожи на настоящих людей!», - верно сказал Достоевский.

Он же указал, что свою великую философскую и художественную задачу автор «Анны Карениной» смог решить с помощью уникального метода «диалектики души», показал «текучего», непрерывно меняющегося человека в вечном противоречивом движении его мыслей и чувств, умело использовал «энергию заблуждения» мечущейся личности: «Во взгляде ... автора на виновность и преступность людей ясно усматривается, что никакой муравейник, никакое торжество «четвертого сословия», никакое уничтожение бедности, никакая организация труда не спасут человечество от ненормальности, а следственно, и от виновности и преступности. Выражено это в огромной психологической разработке души человеческой, с страшной

глубиной и силою, с небывалым доселе у нас реализмом художественного изображения».

И эта неувыдаемая художественность романа Толстого вполне исторична, ибо со времен «Войны и мира» русское общество как бы «кристаллизовалось», существенно изменилось и разрослось. Ускорились и усложнились сами люди, их чувства и мысли, обмен ими, а великая общенациональная цель, объединявшая их в народ в 1812 году, исчезла, и все общество быстро пошло по расходящимся путям. Вот причина всех неурядиц, борьбы и безверия, заблуждений и колебаний, движущих толстовский роман и его сомневающийся, страдающих и ищущих новой правды героев.

Толстовские характеры рождаются из непрерывной смены психологических состояний, в их столкновениях с другими людьми и реальностью, движутся неожиданным и для самого человека открытием, внезапным осознанием подлинных внешних и внутренних причин тех или иных его мыслей и поступков. Люди в «Анне Карениной» живут в разных, простых и сложных формах лжи, зла и самообмана, но упорно добиваются общего идеала добра и правды. Вдруг им открывается реальная истина. Из этого переплетения потоков личных сознаний рождается общее сильное движение толстовской психологической прозы, ее неповторимая художественность.

Роман «Анна Каренина» стал той гранью, за которой начался давно готовившийся и близившийся духовный перелом в мировоззрении, а, значит, и в жизни и творчестве Льва Толстого. Ведь весь роман, особенно его финал, наполнен тревожными мыслями о вере и неверии и сомнениями в религии и личном бессмертии не только Левина, но и автора. Он сам называл это «душевым переворотом», Ленин, по привычке, кризисом (как будто речь шла об экономике), но в любом случае ясно, что дворянская культура и даже Пушкин так и не стали для автора «Анны Карениной» основой жизни, мысли и творчества, тяготили его.

Отсюда все споры и ссоры сурового Толстого с «русским европейцем» Тургеневым и «чистым» поэтом Фетом, его идейное противостояние с европейски культурным и мыслящим Достоевским, неизбежные разногласия с буржуазным просветителем Чернышевским, и ныне не разрешенный конфликт с официальной православной церковью. Он упрямо хотел более простой и здоровой, по его мнению, морали и культуры, общего душевного единения и спокойствия в труде и вере, признания всеми законов добра как «обязанностей практической этики» (К.Н. Леонтьев), сам их пытался создать в виде новой бесцерковной религии - «толстовства», с надеждой оглядываясь на простой народ, крестьянство, стал писать директивные трактаты с характерным названием «Так что же нам делать?» (1882-1886), переделал Евангелие (!?) и т.п. Толстой захотел быть учителем жизни. Но художественный гений его был много богаче и жизненнее этого догматического моралистического учения, ставшего для многих полуграмотных русских людей очередной сектой.

Любовный роман «Анна Каренина», показав на всех уровнях разобщенность и нравственное падение современного Толстому общества, религии, культуры, церкви и дворянского государства, полон жизни, силы, веры и надежды, понимания противоречивости и жизнестойкости человека, утверждения в книге куда больше, нежели беспощадной критики. И даже суровый противник Толстого Константин Леонтьев, всерьез желавший ссылки автора в Соловки, сказал о его гениальном романе: «В «Анне Карениной» оба самоубийства, и Вронского, и Анны, тонут в таком обилии здоровья, силы, телесной красоты, блеска, мира и веселья, что они не могут слишком глубоко оскорбить сердце и вкус нормального читателя».

Книга эта живет, увлекает чувство и мысли читателя, ибо тема ее вечная и раскрыта великим русским художником и мыслителем, который знал, что такое любовь.

2.3. Толстовская «диалектика души».

Толстой повелением пера внушает читателю любое из спектра человеческих чувств – всегда с оттенком наивного, как при чуде, удивления, – оно неслышно преобразует человеческую душу, делая ее стойче, отзывчивее, непримиримей к злу

Л.Леонов

Один из важнейших символов «Анны Карениной» - это фигура маленького мужика со взъерошенной бородой. «Мужичок» возникает в решающие минуты жизни заглавной героини: за несколько мгновений до ее знакомства с Вронским, перед родами и (трижды!) в день гибели; он не только присутствует наяву, но и видится персонажам во сне. Мы рассмотрим подробнее все эпизоды, в которых этот «мужичок» встречается, и постараемся понять, какой смысл несет в себе его загадочный образ.

1) ч. I, гл. XVII. Анна приезжает из Петербурга в Москву; Вронский встречает на вокзале мать, ехавшую в одном купе с Карениной. Когда подошел поезд, «молодцеватый кондуктор, на ходу давая свисток, соскочил, и вслед за ним стали по одному сходить нетерпеливые пассажиры: гвардейский офицер, держась прямо и строго оглядываясь; вертлявый купчик с сумкой, весело улыбаясь; мужик с мешком через плечо». Как «мужик с мешком через плечо» мог оказаться в вагоне первого класса вместе с великосветскими дамами? Знаменательно, что в рукописной редакции этой сцены никакого «мужика» не было. Судя по всему, очутившийся среди «чистой публики» «мужик» - это символ, который живет не по общественным, а по художественным законам, не подчиняясь нормам сословных отношений. Вслед за первым появлением «мужика» происходят два значительных события: Каренина знакомится с Вронским; железнодорожный рабочий гибнет под колесами поезда.

2) ч. I, гл. XXIX. Каренина уезжает в Петербург; в вагоне поезда она видит железнодорожных работников. Сначала мимо Анны прошел «закутанный <...> кондуктор, занесенный снегом». Анна вспоминает

Вронского, стыдится своих чувств и впадает в полузабытье. Входит истопник - «худой мужик в длинном нанковом пальто, на котором недоставало пуговицы <...> потом опять все смешалось... Мужик этот с длинною талией принялся грызть что-то в стене <...> потом что-то страшно заскрипело и застучало, как будто раздирали кого-то; потом красный огонь ослепил глаза, и потом все закрылось стеной». Наконец «голос окутанного и занесенного снегом человека прокричал что-то ей над ухом. Она <...> поняла <...> что это был кондуктор». Эпизоды (1) и (2) связаны повторяющимися мотивами: и погибший сторож, и кондуктор «закутаны» от мороза; сторожа «раздавил» поезд - в полусне Анны что-то скрипящее и стучащее (очевидно, поезд) «раздирает» кого-то.

3) ч. I, гл. XXX. Услышав голос кондуктора, Анна очнулась и вышла на платформу станции Бологое. Здесь вновь возникает «мужик»: «Согнутая тень человека проскользнула под ее [Анны] ногами, и послышались стуки молотка по железу». Буквально через минуту Анна встретила Вронского, и между ними произошел разговор, который «страшно сблизил их».

4) ч. IV, гл. I-II. После встречи в Бологом проходит около года. Анна беременна. Думая о ней, Вронский «лег на диван, и <...> воспоминания <...> сцен, виденных им в последние дни, перепутались и связались с представлением об Анне и мужике-обкладчике, который играл важную роль на медвежьей охоте; и Вронский заснул. Он проснулся <...> дрожа от страха <...> „Что такое? Что? Что такое страшное я видел во сне? Да, да. Мужик-обкладчик, кажется, маленький, грязный, со взъерошенной бородкой, что-то делал нагнувшись и вдруг заговорил по-французски какие-то странные слова <...> Но отчего же это было так ужасно?“ Он живо вспомнил опять мужика и те непонятные французские слова, которые произносил этот мужик, и ужас пробежал холодом по его спине».

5) ч. IV, гл. III. Анна рассказывает Вронскому, что она видела тот же самый сон: «Я видела, что я вбежала в свою спальню, что мне нужно там взять что-то, узнать что-то <...> и в спальне, в углу, стоит что-то». «И это

что-то повернулось, и я вижу, что это мужик маленький с взъерошенною бородой и страшный. Я хотела бежать, но он нагнулся над мешком и руками что-то копошится там...» «Он копошится и приговаривает по-французски, скоро-скоро и, знаешь, грассирует: «Il faut le battre le fer, le broyer, le pйtrir...» [Надо ковать железо, толочь его, мять... (*фр.*)]. И я от страха захотела проснуться, проснулась... но я проснулась во сне. И стала спрашивать себя, что это значит. И Корней мне говорит: „Родами, родами умрете, родами, матушка...“ И я проснулась...». Действительно, Каренина едва не умерла от родильной горячки (ч. IV, гл. XVII), но, оказывается, сон сулил иное: он был предвестием самоубийства.

6) ч. VII, гл. XXVI. В отношениях между Карениной и Вронским наступает кризис. В ночь перед смертью Анна принимает опиум и засыпает «тяжелым, неполным сном». «Утром страшный кошмар, несколько раз повторявшийся ей в сновидениях еще до связи с Вронским, представился ей опять и разбудил ее. Старичок-мужичок с взлохмаченною бородой что-то делал, нагнувшись над железом, приговаривая бессмысленные французские слова, и она, как и всегда при этом кошмаре (что и составляло его ужас), чувствовала, что мужичок этот не обращает на нее внимания, но делает это какое-то страшное дело в железе над нею <...> И она проснулась в холодном поту». В некотором противоречии с предшествующим повествованием находится сообщение автора о том, что Анна много раз видела этот сон «еще до связи с Вронским». В любом случае из сказанного можно заключить, что кошмарный образ постоянно преследует героиню.

7) ч. VII, гл. XXXI. Анна отправляется на дачу к матери Вронского. Приехав на Нижегородскую станцию, она садится к окну в пустом вагоне. «Испачканный уродливый мужик в фуражке, из-под которой торчали спутанные волосы, прошел мимо этого окна, нагибаясь к колесам вагона. „Что-то знакомое в этом безобразном мужике“, - подумала Анна. И, вспомнив свой сон, она, дрожа от страха, отошла к противоположной двери».

8) ч. VII, гл. XXXI. Каренина решается на самоубийство: «И вдруг, вспомнив о раздавленном человеке в день ее первой встречи с Вронским, она поняла, что ей надо делать». Круг замкнулся; Анна бросается под поезд: «<...> что-то огромное, неумолимое толкнуло ее в голову и потащило за спину <...> Мужичок, приговаривая что-то, работал над железом».

Можно сказать, что образ «мужика» преследует Анну, сопутствуя почти всем главным событиям в ее жизни. Этот персонаж выпадает из повседневности (ездит первым классом, говорит по-французски и т. д.). Он легко пересекает границы между сном и явью, и мера его реальности остается не до конца проясненной. «Мужичок» мал ростом, безобразен, неопрятен, у него взъерошенная борода; он часто нагибается. Его появлению всегда сопутствует мотив железа (железная дорога, стук молотка по железу, работа над железом, фраза «*Надо ковать железо*»).

В «лохматом мужике» угадываются мимолётные жизненные впечатления Анны, но в нём есть и нечто странное, внушающее мистический ужас. «Мужик», с мешком в руках приговаривающий непонятные французские слова и что-то делающий в углу над железом, - проводник Анны в царство Смерти. Эта мифологическая функция получила греческое название «психопомп» - «проводник душ».

Мужик невольно вызывает в памяти знакомые мифологические и фольклорные образы. В «Божественной комедии» Данте и его спутника Вергилия в преддверии Ада, чудовищной сужающейся воронки, встречает проводник - лодочник Харон, превращённый в лохматого беса:

Дремучий старец к нам подплыл в челне <...>

И прекратили бешенством сверкать

Зрачки Харона в огненных орбитах.

Мережковский Д.С. говорит о том, что это «христианский признак дохристианского Бога». Густафсон считает, что трагедия сторожа, который из снисхождения к себе заставил страдать других людей, - это эмблема стремления Анны заглушить свою совесть. Именно это стремление, по

мнению исследователя, и приведёт её к смерти. Билинкис Я.С. утверждал, что мужик в снах Анны воплощает «всеобщие законы нравственности и морали». Эйхенбаум говорит о «символических импликациях» и «эмблематичности» толстовского романа. По его мнению, «мужик» - это «эмблема чего-то скрытого, постыдного, разорванного, изломанного и болезненного в ее [Анны] вспыхнувшей страсти к Вронскому», «символ ее греха, отвратительного и опустошающего душу».

Японский исследователь Толстого профессор Такаси Фудзинума высказал предположение, что образ мужика в романе может быть непосредственно соотнесен с фольклорно-мифологическим образом кузнеца. В мифологии он именовался Вулканом, был богом огня, также ковал оружие для многих богов и героев. Был хромым от рождения. Изображается с молотом в руке.

В меняющемся облике «мужика» из толстовского романа явственно проступают архетипические черты кузнеца. Уже во втором эпизоде становится очевидной связь этого образа со стихией огня. Когда Каренина вспомнила о Вронском, какой-то внутренний голос сказал ей: «Тепло, очень тепло, горячо»; истопник, вошедший в вагон, «смотрел на термометр»; видение Анны закончилось тем, что «красный огонь ослепил <ей> глаза». В третьем эпизоде Анна видит «согнутую тень» и слышит «стуки молотка по железу». Таким образом, «мужик» соединяет в себе все характерные приметы кузнеца: он обладает безобразной внешностью и работает с огнем и железом. Кроме того, мотив железа служит связующим звеном между двумя символическими образами - мужиком и железной дорогой.

Например, в 4,5,6 главах III части (в сцене сенокоса) показывается такая связь: мужики, железо (косы), стук по железу (лязг кос, звуки отбивки косы, звуки сталкивающихся кос), мешочки с хлебом, потеря чувства времени.

«Он [Левин] слышал только лязг кос и видел перед собой удаляющуюся прямую фигуру Тита».

«Левин потерял всякое сознание времени».

«Всякое стеснение перед баринном исчезло. Мужики приготавливались обедать. Одни мылись, молодые ребята купались в реке, другие приглаживали место для отдыха развязывали мешки с хлебом».

«Теснившиеся по коротким рядам косцы со всех сторон, побрякивая брусницами и звуча по столкнувшимся косами, то свистом бруска по оттачиваемой косе, то весёлыми криками, подгоняли друг друга».

Эта же связь обнаруживается и в рассказе о Долли (ч. 6, гл. 16-18). Долли поехала к Анне Карениной в Воздвиженское. Когда она приехала к повороту с большой дороги, у телеги сидели мужики. «Металлический, доносившийся от телеги звон отбоя от косы затих»

Кузнец в «Анне Карениной» олицетворяет зло *современности*.

Наверное, поэтому он говорит по-французски - на языке европейской цивилизации, увлекающей Россию по ложному, с точки зрения Толстого, пути. За «мужичком»-кузнецом, как и за «железной дорогой», встает зловещий образ *ferreaesaeculae* - «железного» XIX века.

Заключение

Самая богатая и сложная характеристика в романе – это характеристика главной героини Анны. Известно, что внешний облик Анны Карениной сложился под впечатлением встречи Л.Н.Толстого со старшей дочерью А.С.Пушкина Марией Александровной Гартунг. То, что между Анной и Вронским завяжется роман, становится ясно с первой же их встречи. Анна приехала в Москву с матерью Вронского. Она с первой же встречи привлекает внимание Вронского. Он обращает внимание на ее изящество и скромную грацию. Его поражают ее «блестящие, казавшиеся темными от густых ресниц, серые глаза» и чарует «сдержанная оживленность» порхающая «между блестящими глазами». Роман начинается с бала, на котором присутствуют и Кити, и Анна, и Вронский, и Облонский. Как счастлива Кити на балу. Все: и платье, и кружевная берта, и розовые туфли, и особенно черная бархатка медальона на шее – все говорило о безграничном счастье прелестной девушки. Но Вронский, почти официально признанный женихом Кити, начинает ухаживать за Анной. Кити сразу чувствует, что Вронский влюбился в Анну, которая очень хороша. «Она была прелестна в своем простом черном платье... Но было что-то ужасное и жестокое в ее прелести». «Что-то чуждое, бесовское и прелестное» увидела в Анне Кити. (1 ч., глава XXII). Тем не менее Анна необыкновенно обаятельна. У нее тонкая, чуткая, отзывчивая душа. Анна сразу чувствует особое отношение Вронского и не может противиться его обаянию. Вронский с самого начала привлек ее внимание, с той минуты, когда она увидела его на вокзале, где он встречал свою мать, которая по странному стечению обстоятельств приехала в Москву вместе с Анной. Они проговорили всю дорогу. Анна оказалась настолько интересным собеседником, что с ней, по словам матери Вронского, «и поговорить, и помолчать приятно». (1 ч., глава XVIII).

Дурным предзнаменованием становится гибель путевого рабочего под колесами поезда. После гибели рабочего у Анны дрожали губы, и она с

трудом удерживала слезы. Ее охватило предчувствие беды, неминуемой гибели. Перед ней замаячил страшный призрак смерти.

Жизнь героев, лишенная оправдания, выходит из повиновения, как та стихия – метель и ветер в ночь возвращения Анны в Петербург. Присутствие злой стихийной силы чувствуют Ленин, Каренин, Вронский. У Каренина не достигают желаемой цели его начинания; Вронский растерянно замечает, что «жизнь складывается не по правилам»; Левин чувствует, что какая-то сила противится ему. Не в силах противостоять силе любви, Анна понимает требования нравственного закона и испытывает чувство непреходящей вины, что указывает на ее глубокую высокую нравственную природу. Но она не нашла опоры, потому что на нее ополчилось ее окружение. «Все ложь, все обман, все зло», – говорит она. Вражда, грубая сила общественного мнения, невозможность реализовать стремление к самостоятельности губят ее. Она, в отличие от кузины Вронского Бетси Тверской, не владеет искусством притворства и лицемерия. Но она очень решительна, ее жесты – это жесты человека уверенного, принимающего быстрые и безоговорочные решения, умеющего анализировать поступки не только других людей, но и свои. Анна искренна: в разговоре с Долли она не скрывает, что на балу Вронский привлек ее внимание. Ей приятно внимание Вронского, но она торопится поскорее уехать из Москвы: ее пугает зарождающееся в ее душе чувство. Долли удивляется решению Анны так быстро уехать.

Анна совершенно неожиданно для себя встречается в поезде Вронского и вглядывается в него, возникшего словно из метели и ветра, на станции, где остановился состав. Анна видит выражение лица Вронского, его глаз, «это было выражение почтительного восхищения», и ее охватывает чувство радостной гордости, неудержимая радость и оживление сияют на ее лице. Но рассудком Анна боится того, чего желает ее душа. И на лице ее Вронский видит борьбу. «Ужас метели» казался тогда Анне «прекрасным», но «впереди плачевно и мрачно заревел густой свисток паровоза». (1 ч., глава XXX).

Л.Н.Толстой – мастер использования выразительной детали в портрете: Левин способен краснеть, что несомненно свидетельствует о его совестливости и высокой нравственности, тогда как мы ни разу не увидим краснеющими от укоров совести ни Стиву Облонского, ни Алексея Вронского. Прелестна 18-летняя Кити Щербацкая. Читатель видит ее глазами влюбленного Левина: «прелесть детской ясности и доброты», «небольшой белокурой головки, так свободно поставленной на статных девичьих плечах», «выражение ее глаз, кротких, спокойных и правдивых, и в особенности ее улыбка. Все в этой девушке переносило Левина в волшебный мир счастья. (1 ч., глава IX).

Довольно точно характеризует Алексея Вронского Облонский, говоря о том, что Вронский – «образец золоченой молодежи петербургской». Толстой часто подчеркивает блеск глаз Вронского, что несомненно свидетельствует о том, что Вронский - победитель. Он самолюбив, самоуверен, честолюбив. Когда Вронский встречает Анну, на его лице, всегда столь твердом и независимом, появляется выражение какой-то потерянности и покорности, похожей на выражение умной собаки, когда она виновата. Вронский влюбляется в Анну, но ему не нужна семейная жизнь, и именно в этом кроется трагедия Анны, которая в браке с немолодым Карениным была обделена любовью и семейным счастьем, но она не нашла этого счастья и в отношениях с Вронским.

Толстой хотел показать Анну «жалкой, но не виноватой», потому что видел, что его героиня не выдержит борьбы со своей средой. Анна оказывается пригвожденной к позорному столбу, в нее бросают «комья грязи» все, кто, собственно, сами были далеко не безгрешны. Но погибает Анна не от внешних причин, а от внутренних: любовь в ее душе перерождается в страдание. В первый раз Анна села в поезд, чтобы поехать в Москву, к брату Стиве Облонскому. В последний раз она приедет на станцию Обираловка в поисках Вронского, но не найдет его... Она увидит, как «мужичок, приговаривая что-то, работал над железом» и почувствует вдруг

«невозможность борьбы». В этой сцене мы не видим портретного описания Анны, она раздавлена обстоятельствами и в душе ее последнее желание – умереть, уйти из жизни.

Тяжело переживает разрыв с Вронским Кити Щербацкая. На балу она точно заметила «Анна и Вронский одни в полной зале и что несчастье ее свершилось». Кити чувствовала себя раздавленной, и это отразилось на лице ее. Анна видит, что «лицо Кити только выражением отчаяния и удивления ответило на ее улыбку». И за тем, что Анна отворачивается от Кити и весело заговаривает с другой женщиной, конечно, замешательство и чувство вины, маскируемое деланной веселостью.

Когда по возвращении в Петербург она видит на вокзале мужа, встречающего ее, то испытывает какую-то странную досаду. Анна словно впервые видит некрасивые уши мужа, его холодную представительную фигуру, большие, усталые глаза, упорный и усталый взгляд, раздражающий ее медлительный тонкий голос. Она «ясно и больно» осознает свое давнишнее, похожее на состояние притворства чувство к мужу. (1 ч., глава XXX).

Огонь глаз Анны казался потушенным или припрятанным. Анна безраздельно отдается чувству любви, ей кажется, что она видит в темноте блеск собственных глаз. Она чувствует неприязнь к мужу. Она не хочет его видеть. Алексей Каренин понимает, что с Анной что-то случилось, потому что видит «блеск лица Анны, напоминающий всепожирающий страшный блеск пожара среди темной ночи» (2 ч., глава IX). Дух зла и обмана пронизывает атмосферу дома Каренина. Муж пытается урезонить Анну. Он говорит, что готов ее простить и все забыть, но Анна безумно любит Вронского и ничто не заставит ее вернуться к Каренину.

Петербургское окружение осуждает Анну. Интересно, что о ней сплетничают и ее осуждают даже те дамы, у которых тоже были романы, как например Бетси Тверская со своей сдержанной, злой и насмешливой улыбкой или та же старая княгиня Вронская.

Алексей Каренин очень тяжело переживает измену жены, он намерен дать ей развод и при этом оставить сына при себе. Анне по-новому открылся человек, с которым она прожила восемь лет. Она видит страдающего человека, глаза которого «мрачно смотрели вперед себя... рот был твердо и презрительно сжат, в походке, в движениях, в звуке голоса была решительность и твердость... (4 ч., глава IX). Анна, хотя и называет мужа «злой министерской машиной», испытывает мучительное чувство вины перед ним.

Перед ней закрываются двери домов ее прежних знакомых. О ней злословят, ее осуждают. Ей не прощают искренности и душевной чистоты. Анна же все больше и больше запутывается в своих отношениях с Вронским. Рожая внебрачного ребенка, дочь Вронского, Анна едва не умирает. Находясь между жизнью и смертью, в полубреду, она просит, чтобы муж приехал и простил ее перед смертью, она лепечет, казалось бы, бессвязные фразы, но за ее отрывочными словами и сияющим от смертного волнения взглядом кроется не страх смерти, а страх уйти из жизни непрощенной. Алексей Александрович прощает ее, более того, он испытывает к ее ребенку нежные отеческие чувства. Исключительным в судьбе Анны было сознание своей вины перед близкими ей людьми, перед самой собой, перед жизнью. В силу этого Анна становится героиней толстовского художественного мира с его высоким идеалом нравственного самосознания.

Выздоровев, Анна возвращается к Вронскому, и они уезжают в Италию. Интересен эпизод, в котором Вронский приглашает талантливое художника Михайлова нарисовать портрет Анны. Мы не находим детального описания портрета и видим его глазами Вронского, который искренне удивлялся тому, что художник «посмотрел и написал» портрет, то есть нашел «это самое милое ее душевное выражение». Но следует обратить внимание на авторскую сопроводительную ремарку: «выражение... было так правдиво, что ему (Вронскому) и другим **казалось**, что они давно знали его». Вот именно казалось. Вронский не мог понять, что было в душе Анны, тогда как

художник это понял. Не потому ли его тяготило вынужденное общение с Бронским, Анной, лицемерным и довольно ограниченным Голенищевым. И не потому ли он избегал разговоров с Анной. Ведь в противном случае задача его осложнилась бы неимоверно. А так достаточно было творческой находки милого душевного выражения Анны. (5 ч., глава XII). Портрет получился замечательный. Позже уже в Петербурге, на него не сможет без волнения смотреть Константин Левин. Михайлов создал большой, во весь рост портрет, на котором была «живая прелестная женщина с черными вьющимися волосами... победительно и нежно смотревшая на него (Левина) смущавшими его глазами».

У Константина Левина сложные отношения с братом Николаем. Левин, вглядываясь в болезненное, чахоточное лицо брата, испытывает к нему острую жалость и понимает, что беспорядочная, сумбурная жизнь Николая – это вызов существующему в жизни злу, поиск справедливости. Сам Левин пытается понять абсурдно устроенную жизнь, когда женщину судят за то, что она хочет уйти из дома разврата, когда человека осмеивают за то, что он набожен, религиозен, ищет узды на свою страстную натуру, но, когда его «прорывает» и он начинает пить, жить с женщиной, взятой из публичного дома, от него с омерзением отворачиваются и никто не протягивает ему руку помощи. Левин понимает, что брат Николай не виноват в том, что «родился с своим неудержимым характером и стесненным чем-то умом». Левин любит брата и готов ему помочь. Он просит Николая перейти жить в отцовский дом и готов принять его вместе с Машей, той самой, которую Николай взял из публичного дома. Левин стремится к семейному счастью, хочет любви, детей, душевного покоя. Он женится на любимой девушке – Кити, у него рождается сын, что еще нужно для полного счастья. А Левин в смятении – душа его полна тревоги за будущее. Важно отметить, что в романе «Анна Каренина» портретная характеристика героев тесно смыкается с речевой характеристикой и с психологическим анализом характеров героев, которые всегда идут неизведанными путями. Но смысл психологического анализа

заключается в выборе единственных решений из множества возможных вариантов. Интересен эпизод, в котором оскорбленный Алексей Каренин говорит Анне: «Да, вы только себя помните, но страдания человека, который был вашим мужем, вам не интересны. Вам все равно, что он пеле... пеле... пелестрадал». Эти слова заставили Анну смутиться, хотя она и без того понимала, что виновата перед ним.

Роман «Анна Каренина» учит читателей уважению к человеку, к его делам и заботам, к требованиям его души. Поэтому, несмотря на трагический сюжет, роман производит жизнеутверждающее впечатление.

Список использованной литературы

I

1. Каримов И.А. Гармонично развитое поколение – основа прогресса Узбекистана. – Т., «Шарк», 1998.
2. Каримов И.А. Мечта о современном поколении. – Т., «Шарк», 1999.
3. Каримов И.А. Мировой финансово-экономический кризис, пути и меры его преодоления в условиях Узбекистана. – Т., «Узбекистан», 2009.
4. Каримов И.А. Мыслить и работать по-новому. – Т., «Узбекистан», 1997.
5. Каримов И.А. Наша цель: свободная и процветающая Родина. – Т., «Узбекистан», 1996.
6. Каримов И.А. По пути созидания. – Т., «Узбекистан», 1996.
7. Каримов И.А. Родина священна для каждого. – Т., «Узбекистан», 1996.

II

1. Альтман М.С. У Льва Толстого.- Тула: Приокское книжное изд-во, 1980.
2. Билинкис Я.С. Что может роман? «Литературное обозрение» 1978, № 6.
3. Бабаев Э.Г. «Анна Каренина» Л.Н. Толстого.- М: «Худ.л-ра», 1978.
4. Бабаев Э.Г. Лев Толстой и русская журналистика его эпохи.- М.: Изд-во МГУ, 1978.
5. Белкин А.А. Читая Достоевского и Чехова.- М.: «Худ.л-ра», 1973.
6. Безрукова З.П. Формы психологического анализа в романах Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина» В кн: Л.Н.Толстой.- М.: Изд-во МГУ, 2005.
7. Бочаров С.Г. Роман Л.Толстого Война и мир.- М: «Худ.л-ра», 1978.
8. Бурсов Б.И. Лев Толстой и русский роман.- М-Л.: Изд-во Знамя, 1963

9. Добин Е.С. Искусство детали. -Л.: Советский писатель, 1975
10. Добин Е.С. Герой. Сюжет. Деталь.- М.-Л., Просвещение. 1962
11. Ермилов В.В. Роман Л.Н.Толстого «Анна Каренина».- М.: Гослитиздат, 1963
12. Ермилов В.В. Толстой-художник и роман «Война и мир».- М.: Гослитиздат, 1961
13. Ерёмина Л.Н. В слове открывается мир.-« Русская речь», 1978, №6
14. Ефимов А.И. Великий мастер русского художественного слова.- «Русская речь»,1979, №5
15. Ковалев В.А. О стиле художественной прозы Л.Н.Толстого.- М.: Изд-во, МГУ, 1960
16. Мышковская Л.Н. О мастерстве писателя.- М.: «Сов.писатель»,1967
17. Маймин Е.А. Лев. Толстой .- М. : «Наука» , 1978.
18. Малкин В.А. Лев Николаевич Толстой (150 лет со дня рождения)- М.: «Знание», 1978.
19. Нагибин Юрий. Изучение без чтения? «Литературная газета», 19 марта 1980, № 12.
20. Одинокое В.Г. Поэтика романов Л.Н.Толстого.- Новосибирск: «Наука», 1978.
21. Плохотишина В.Г. Мастерство Л.Н.Толстого- романиста.- Днепропетровск: Книжное изд-во,2000
22. Поповкин А.И. Роман Л.Н.Толстого «Воскресение».- Тула,1994
23. Свительский В.И. Трагедия Анны Карениной и авторская оценка в романе Л.Толстого. Сб. «Русская литература 1870-1890 годов», Свердловск, 1997.
24. Свительский В.А. Уроки великого романа. «Подъем», 1980 № 1.
- 25.Свительский В.А. Логика авторской оценки в романе Л.Толстого «Анна Каренина» Толстовский сборник. Выпуск 5. Доклады и сообщения XII толстовских чтений. -Тула, 1975.

26. Толстой Л.Н. Что такое искусство: сборник Л.Н. Толстой. Литература, искусство.- М., 2008
27. Толстой Л.Н. Анна Каренина.- М.: Дрофа, 2009.
28. Толстой Л.Н. Война и мир.- М.: Дрофа, 2009.
29. Чуприна И.В. Нравственно-философские искания Л.Толстого в 60-е и 70-е годы.-Изд-во Саратовского университета, 2004